Рассказчица

Автор:
Кэтрин Уильямс

Рассказчица

Кэтрин Уильямс

Trendbooks

Книга доступна эксклюзивно в ЛитРес: Абонементе (https://www.litres.ru/abonement/?lfrom=201227127). Выберите тариф (https://www.litres.ru/abonement/?lfrom=201227127), чтобы получить доступ к книге.

Разбирая чердак старого дома своей двоюродной прабабушки, Джесс Морган знала, что обнаружит что-нибудь интересное. Но сундук с дневниками принцессы Анастасии Романовой превзошел ее самые смелые ожидания.

Что, если прабабушка Джесс была одной из самых загадочных принцесс мировой истории? Что, если Джесс – наследница императора? Симпатичный студент кафедры русского языка Эван Герман готов помочь ей с поиском ответов.

Кэтрин Уильямс

Рассказчица

THE STORYTELLER © 2022 by Kathryn Williams

Translation rights arranged by The Van Lear Agency, LLC and Gillian MacKenzie Agency LLC

Изображения на обложке Credit Line

© Rebecca Stice / Trevillion Images

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

* * *

Грэгу и Тедди

Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство, и правду.

Владимир Набоков

Лганье перед самим собой у нас еще глубже укоренено, чем перед другими.

Ф. М. Достоевский

Пролог

Не знаю, когда я стала притворщицей. Это не было осознанным решением. Скорее плавным, постепенным соскальзыванием в состояние, в котором, честно говоря, жилось легче. Возможно, это началось в шестом классе, когда я сказала маме, что хочу научиться играть на пианино, а она убедила меня заняться спортом, потому что так проще завести друзей. И я шесть лет играла в футбол. Терпеть не могу футбол.

Или, может, это началось в девятом классе, когда мисс Эмери, школьный психолог, сидящий в крошечном – не больше кладовой – кабинете, наклонила голову и спросила: «У тебя все нормально, Джесс?» – на что я с улыбкой ответила: «Да, все отлично». Сказать это было проще, чем пускаться в

объяснения, что Дженни Глок вдруг перестала со мной общаться без какой-либо на то причины или что перепалки моих родителей за дверью спальни становились все более эмоциональными. Или, может, это началось, когда мы только приехали к бабушке с дедушкой во Флориду. Бабушка, прищурившись, спросила:

«Как дела дома?» – а мама холодно ответила: «Отлично».

Или когда Райан Харт спросил, нравится ли мне кататься на лыжах, а я опустила взгляд на хот-дог в своей руке и ответила: «Да, нравится». Это был День труда[1 - День труда – национальный праздник США, отмечается в первый понедельник сентября. – Здесь и далее примечания переводчика.] в 2003 году, мы пришли к Хартам на барбекю. Они недавно переехали в Кин из Бостона. Наши родители дружили с колледжа и надеялись, что я и Райан, оба восьмиклассники, тоже подружимся.

Мы с ним сидели на уличном столе под дубом с еще не опавшими листьями. Райан, с загорелой медовой кожей и прической как у участника бойбенда, однозначно и беспрекословно был Красавчиком, именно с большой буквы. Таким очаровательным парнем, слегка отстраненным, в которого была бы влюблена героиня фильма 1980-х годов. Вечернее солнце проглядывало сквозь ветви, светлые волосы на его руках отражали сияние. Он казался золотым.

Даже его имя идеально подходило для того, чтобы рисовать его в сердечках на полях тетради или мечтательно шептать, будто пробуя на вкус каждую букву: Райан Оливье Харт. Следующие полтора года все мои учебники, дневники, любые клочки бумаги – все было исписано его именем.

В школе хватало одного его «привет» мимоходом в коридоре – по вторникам и четвергам после второго урока, иногда по пятницам, если он бывал у миссис Кардинетти, – чтобы совершенно вскружить мне голову. Каким тоном он сказал «привет»? Он посмотрел мне в глаза? Мельком или реально посмотрел? А когда он спросил, приду ли я к ним на праздник, он сделал это из вежливости или надеялся, что я в самом деле приду? Обдумывая все детали, я сама себя пытала вместе с лучшей подругой Кэти.

Райан был таким, какой хотела быть я: уверенным в себе, популярным, спокойным, расслабленным. Где он сиял, я терялась. Мне было тяжело завести и

удержать узкий круг друзей, а он будто без труда собирал вокруг себя толпы. Наши круги общения едва ли пересекались, но Райан Харт был ко мне добр. Иногда мне казалось – я этого хотела, – что он ко мне тянулся.

На самом деле я не катаюсь на лыжах. Я вообще не переношу мороз. Никогда не понимала, какой смысл кутаться в шесть слоев одежды, чтобы под наклоном спускаться с горы, пока напарник, перекрикивая шум ветра, что-то рассказывает тебе о пицце или картошке фри. Но тогда, когда Райан, сидя под дубом на столе, спросил, нравится ли мне кататься на лыжах, ответить: «Да, нравится» – было так просто. Всего лишь два слова. Но каждое слово имело вес.

Следующей осенью Райан уехал в академию «Маунтенвейл», школу-интернат в штате Мэн для подготовки профессиональных атлетов по зимним видам спорта. Там была хорошая программа, а Райан, как выяснилось, талантливый лыжник.

Я так и не сказала ему правду – что на самом деле не люблю лыжи. Даже когда наши семьи отправились в Шугарлоуф на Рождество, я притворилась, что у меня болит живот, чтобы Райан не увидел, как ужасно мне дается то, что он любит больше всего на свете. Пусть лучше Райан думает, что у меня жуткая диарея, чем поймет, что я ненавижу кататься на лыжах.

Даже когда мы стали встречаться той же зимой, я ничего не сказала. Он поцеловал меня у входа в зал игровых автоматов на лыжной базе. Это был мой первый поцелуй, который я, как утверждают, запомню навсегда, и это правда – в тот момент мое сердце разорвалось на миллион ярко-красных кусочков.

На следующей неделе он позвонил мне с общего телефона в общежитии, потому что в школе не было связи. Мы говорили обо всем и ни о чем: обсуждали ужастики, смешные видео, плюсы фастфуда, невероятный талант братьев и сестер нас раздражать, тренера Райана, который когда-то руководил олимпийской командой. Я даже его рассмешила. Мы говорили около часа, хотя к нему трижды подходили соседи по общежитию с просьбой уступить телефон.

Наше первое свидание прошло в «Афинской пицце V», родине знаменитой пиццы в форме сердечка. Миссис Харт нас подвезла, с ее лица не сходила улыбка.

– Она наверняка уже звонит твоей маме, – смущенно сказал Райан, пока его мама выезжала с парковки в своем «вольво».

Райан придержал передо мной дверь и заплатил за пиццу. Это было так по-взрослому, настоящие ухаживания. Два месяца спустя невзначай, во время обсуждения наших любимых хлопьев, Райан Харт назвал меня своей девушкой. Я с радостью ею стала.

Я так и не сказала ему, что мне не нравится пицца с грибами. Или что на концертах мне страшно, потому что я не люблю большие скопления людей, да и маленькие тоже. Я не говорила ему, что видеоигры, в которые мы играли у него в подвале, кажутся мне слишком громкими и слишком жестокими, что мне от них тревожно, – но, с другой стороны, мне тревожно почти всегда. Не сказала, что иногда плачу, принимая душ, и что очень боюсь одиночества, хоть мне нравится быть одной. Райан не знал, что я заполняла толстые тетради историями собственного сочинения и что, стыдно признаться вслух, однажды хотела стать писателем.

Мой парень знал другую Джесс – расслабленную, общительную, бесстрашную, на все готовую, будь то вломиться во двор соседей и искупаться в их бассейне или потягивать противное пиво за просмотром трех частей «Форсажа» подряд. Это была крутая Джесс. Девушка мечты. А Джесс, которая не спала ночами, потому что волновалась из-за учебы, которая часто предпочитала книги людям, которая чувствовала физическую боль, когда ее заставляли пробовать нечто новое, была Райану не знакома. Я очень старалась делать так, чтобы они никогда не встречались.

Конечно, так было не только с ним. В какой-то степени я притворялась со всеми – родителями, учителями, иногда даже с Кэти. Получалось, я существовала в двух формах: Джесс, которую знал окружающий мир, и Джесс, которую знала только я. Каждый день я играла роль – улыбайся, смейся, взаимодействуй.

Как ни странно, притворяться кем-то другим очень просто. Писатели все время это делают, когда создают историю, – вырывают персонажа из воздуха и примеряют на себя. Теперь я знаю, что все мы сделаны из историй, которые мы рассказываем друг другу или самим себе. Это маски, которые мы надеваем каждый день, личные мысли, которые мы записываем и постоянно перечитываем, будущее, о котором мы мечтаем, образы, которыми представляем себя онлайн, истории, которые мы составляем и в которые пытаемся вписаться.

Но есть и другие истории, которые мы не рассказываем никому, а запираем на ключ в потаенных уголках сознания, – это наши секреты. А еще я знаю, что секреты всегда стремятся выйти наружу.

1

4 августа, 2007

Я застряла. Пальцы танцуют над теплой клавиатурой… летают… жду вдохновения.

Иногда мир вокруг меня растворяется, когда я пишу. У меня перед глазами формируется туннель, в конце которого есть только страница, – я «в фокусе», как иногда говорят спортсмены. Но «фокуса» недостаточно, творческий тупик никто не отменял, и сейчас я в нем.

«Айрис стоит на краю обрыва и смотрит вниз на бьющиеся о камни волны. Вдруг у нее за спиной раздается голос. И говорит… говорит…»

Не могу решить: я пишу роман или трагедию? Конец – всегда самое трудное. Намного труднее начала. Я тружусь уже несколько недель – третий акт истории об амбициозной актрисе, которая влюбляется в нагловатого лживого капитана морского судна. Подруга Кэти всегда старается выпытать, на ком основаны мои персонажи, и эта героиня отчасти основана на ней, но я объясняю, что персонажи любят убегать от автора. Они начинают жить собственной жизнью.

«Она оборачивается и смотрит на него. Ее волосы колышет ве…» Нет. Стереть, стереть, стере-е-е-е-еть. Она не поворачивается. Ну конечно! Она же его ненавидит. Он ее предал. Она его не простит. Нет, она его накажет.

«“Знаешь, что за ложь всегда приходится платить?” – Голос Айрис едва слышен из-за ветра». Да! Гениально. Слова льются на экран, как электронные чернила… В дверь кто-то постучал. Не буду отвечать. «я знаю, что и за правду тоже приходится…»

– Джесс! – Это голос мамы.

– Секунду! – истерично кричу я, но дверь уже открылась, и в проеме нарисовалась моя мать, только что вернувшаяся с утренней пробежки в 12 километров. Мир возвращается к прежнему состоянию.

– Уже встала, молодец! – говорит она, сияя ярче лампочки.

– Я встала еще в семь.

Я вообще не жаворонок, но иногда идеи вырывают меня из объятий Морфея, заставляют открывать красную тетрадь у кровати и записывать: «У нее был небесный близнец»; «Снежная буря в июле»; «Что-то с моржом???».

Мама раздвигает шторы и присаживается на край моей кровати:

– Может, встанешь, займешься чем-то?

Она всегда так говорит.

От утреннего света стены моей комнаты будто светятся нежно-сиреневым – официально цвет называется «лавандовый крем», мы его выбрали, когда мне разрешили сменить интерьер в комнате на десятый день рождения. Но цвет на самом деле выбрала мама. Я от «лавандового крема» не в восторге – ощущение, что живешь в серии мультика «Дружба – это чудо».

Закрываю ноутбук. Мама уже успела сходить в душ и одеться, однако не как обычно, а во что-то из «Энн Тэйлор» в стиле бизнес-кэжуал. Сейчас выходные, но она риелтор, поэтому работает каждый день. В шортах цвета хаки, рубашке поло с воротничком и с собранными в аккуратный хвостик волосами она выглядит как лагерная вожатая.

Мама пальцами пробегается по закрытому ноутбуку от стикера к стикеру: «Сьерра-клуб»[2 - Sierra Club – американская экологическая некоммерческая организация.], алая эмблема Гарварда, переливающееся на свету авокадо (подарок Кэти), «Свободная лыжня или смерть» (подарок Райана). Мне хочется поковырять отклеивающиеся края стикеров вслед за ней, но я сдерживаюсь. Тем

временем мама объясняет, что пришла ко мне с утра пораньше не только для того, чтобы предотвратить возможный приступ лени:

– Мне сегодня нужна твоя помощь. Потом угощу тебя обедом в «Люкас».

«Люкас» – мой любимый ресторан, и мне трудно вспомнить, когда мы с мамой последний раз проводили субботу вместе. Это подкуп?

– Ладно, – осторожно говорю я. – А с чем нужна помощь?

Она встает и принимается аккуратно складывать раскинутые на моей кровати спортивные штаны:

– На следующей неделе показываем дом тети Анны покупателям. Я наконец уговорила папу его продать, так что теперь надо освободить чердак.

Я застонала. Мама провела меня, как ребенка.

– А Гриффин не может помочь?

Для физического труда мой спортивный двухметровый пятнадцатилетний брат годится куда больше, но мама знает, что я точно не откажусь.

– Он только завтра вернется из лагеря по лак росс у.

Точно. С тех пор как брата настиг пубертатный период и у него появилось острое желание насмехаться над всем и всеми вокруг, мы тактично стараемся друг друга избегать, так что я даже забыла, что его целую неделю не было дома. Хотя отсутствие хлопающих дверей и размазанной по столешнице в ванной зубной пасты могло бы послужить напоминанием.

– Ладно, – неохотно вздыхаю я и откидываю одеяло. – Помогу.

Я не была в доме тети Анны уже больше шести лет – с тех пор как ее переместили в дом престарелых, когда я была в пятом классе, и папа стал сдавать дом студентам Кинского колледжа. Это покосившийся фермерский дом на окраине города; по моим воспоминаниям, он пахнет печеной фасолью и

влажной почвой. А еще там куча книг – на каминных полках, на столах, стопками у стен, в покосившихся книжных шкафах. Будто дом принадлежал книгам, а не тете. Было в этом что-то волшебное. Когда мама расчищала дом перед заездом студентов, мне разрешили взять несколько романов, а остальные книги оказались на помойке за маминым офисом, отчего мне было физически больно.

Ладно, говорю я себе, может, будет весело. Как известно, на чердаках часто находятся интересные вещи: давно потерянные семейные реликвии, фамильные секреты, редкие первые издания.

– Не хочешь сначала в душ? – спрашивает мама.

– А… – я опускаю взгляд на свободные спортивные шорты, которые только что натянула. – Разве там не будет пыльно?

– Но мы же потом пойдем в ресторан…

– Точно! – Хватаю полотенце.

Она хлопает в ладоши:

– Отлично! Тогда увидимся внизу через пятнадцать минут. – Она смотрит на часы. – Или, знаешь, давай через десять.

2

Мои руки покрывает приличный слой пыли, от ее обилия на чердаке у меня начинается приступ аллергии. Из семейных реликвий я нашла пока только коробку из-под кедов с дешевыми пластиковыми бусами для Марди Гра[3 - Марди Гра (фр. Mardi gras, «жирный вторник») – вторник на неделе перед началом Великого поста, католический аналог Масленицы. Сопровождается карнавальными шествиями, танцами, играми, весьма популярный праздник в США. Бусы – один из сувениров, которые можно получить во время карнавального шествия.] и коробку аудиокассет, обещающих подарить покой от позитивного мышления.

К счастью, у мамы в сумочке всегда лежит маленькая аптечка, и я рада вырваться с жаркого, кишащего клещами чердака.

Спускаюсь на кухню, выдавливаю антигистаминную таблетку из пластикового блистера, запиваю ее диетическим спрайтом комнатной температуры, включаю телефон. Райан должен был позвонить после тренировки, но никаких новых сообщений нет.

– Джесс! – зовет меня мама с чердака.

– Иду! – кричу я в ответ, убираю телефон в карман и поднимаюсь обратно.

Мама вытирает подбородок бледной рукой, на ее коленях – следы монтажной пены. Мама вообще любит всякую работу по дому, но, мне кажется, она уже начинает жалеть, что все это затеяла. Она поднимает с пола картонную коробку с кривой подписью «ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА» и ставит ее рядом с остальными.

– Все чихаешь?

Делаю максимально жалостливый голос:

– Жду, когда таблетки сработают.

– Осталось немного. – Она снова скрывается в тени, мне ее больше не видно, но по-прежнему слышно. – Господи, зачем тете Анне надо было хранить весь этот мусор? Ты только представь, что подумали бы покупатели. – Что-то падает на пол. – «Барахольщица», – бормочет она, – вот что.

Никто не спорит, моя прабабушка и правда была… необычной. Она всегда одевалась как зимой, куталась в шарфы и пальто даже в августовскую жару, когда горячий воздух поднимался с тротуара, и, хоть одежда ее была довольно потрепанной, обувь она всегда носила новую. Кроме того, тетя Анна странно двигалась – нервно, резковато, будто боясь, что кто-то за ней следит. Когда она приходила к нам в гости, у меня появлялось ощущение, что это она за нами следит и делает про себя заметки. Тетя Анна мало говорила, но время от времени улыбалась чему-то сказанному другими. Печальная у нее была улыбка, скорее воспоминание улыбки.

Может, поэтому родители как-то спорили о том, стоит ли приглашать тетю Анну на День благодарения.

– Зачем мы всегда ее зовем? Она только и делает, что молча сидит в углу, – проворчала мама.

– Ей девяносто семь лет, Валери. Чего ты от нее хочешь? – ответил папа.

– Она странная, Джон.

Папа повысил голос, что происходило крайне редко:

– Она часть семьи!

Поэтому тетя Анна пришла в том году и на День благодарения, и на Рождество. Она всегда приносила нам с Гриффином маленькие безделушки, дешевые подарки вроде блестящего резинового мячика, который можно купить в автомате любого продуктового магазина, или фигурки, явно извлеченные из «Хэппи Мила». Тетя Анна вручала их так, будто это были рубины. Обычно к таким подаркам прилагалась книга из ее собственной пыльной библиотеки. Хотя мы зачастую не понимали эти книги – «Одиссею», «Великого Гэтсби», «Взлет и падение великих держав», – именно тетя Анна познакомила меня с «Таинственным садом», который я перечитала как минимум двенадцать раз.

Еще она подарила мне дневник от Hello Kitty. Наверное, подарок на Рождество – я помню, что сидела на полу в гостиной, а за мной стояла сияющая елка. Дневник был без обертки. Тетя Анна просто вытащила его из сумочки и протянула мне.

– Для твоих… – сказала она, изображая, будто делает записи.

– Спасибо, – ответила я, открыла дневник и пролистала несколько бледно-розовых разлинованных страниц, физически чувствуя, как прабабушка за мной наблюдает.

Мне очень нравился тот дневник – не из-за мультяшной обложки, а потому что у него был замок с ключиком, который я хранила в ящике с носками. Именно в

этом дневнике я написала свой первый «роман» – историю о лошади по имени Болтушка Брук. Тем летом, когда мы ездили в Палм-Бич к бабушке с дедушкой, я случайно забыла дневник в отеле и рыдала всю дорогу, пока мы пересекали два штата.

Да, она была странной, эта тетя Анна, даже причудливой, но барахольщицей я бы ее не назвала. Мне она нравилась – может, как раз потому, что она была такой странной.

– Земля вызывает Джесс.

У мамы в руках очередная коробка. Через щель в крышке видно, что внутри лежат одиночные треснутые фарфоровые чашки, которые подошли бы для воображаемого чаепития с плюшевыми зверушками, хотя детей у тети Анны и дяди Генри не было. Дядя умер задолго до моего рождения.

Мама выпрямляет спину и потягивается.

– Там сундук. Думаю, заработаем мы грыжу или нет, если попытаемся его поднять.

А это уже интересно. Тут же представив старинный ящик с «Титаника», я подбегаю к маме и вижу именно то, о чем подумала. У задней стены чердака, в тени карниза, стоит прекрасный деревянный сундук с кожаной обивкой, потертый, серо-зеленого цвета. Кожа на нем уже начала разлагаться, полотно, покрывающее сундук, местами порвано, но очевидно, что когда-то это была роскошная вещь.

– Как думаешь, что там? – спрашиваю я.

– Памятные наперстки? – усмехается мама.

– Открыть?

Она пожимает плечами:

– Давай.

Мама, в отличие от меня, не фанатеет от всякого старья. Для нее есть только винтаж – новые аптекарские баночки, сделанные в старом стиле, и клетки для птиц из каталогов «Поттери-Барн», которыми забит наш почтовый ящик. Новое – это хорошо, и чем новее, тем лучше. Но меня всегда привлекало старое, это как портал в прошлое.

Я осторожно протягиваю затвердевшие ремешки через ржавые металлические застежки и расстегиваю проржавевший засов. Крышка не поддается, и я начинаю волноваться, что сундук заперт, однако стоит приложить чуть больше усилий – и вот раздается приятный щелчок. Сундук выдыхает затхлый, сладкий запах разложения. Затаив дыхание в предвкушении, я поднимаю крышку.

Мама заглядывает внутрь:

– Отлично. Еще книги.

Даже я немного разочарована. Это тебе не бриллиант «Сердце океана». Хотя книги, кажется, старые – с разбухшей бумагой, – а это интересно. Они разного цвета и разного размера, хаотично разбросаны в сундуке. Я поднимаю один из верхних экземпляров и разглядываю, осторожно обращаясь с ветхой, пыльной кожаной обложкой. Как ни странно, названия у книги нет. Когда я ее открываю, корешок трещит. На страницах передо мной предстает поток текста, написанный красивым, витиеватым почерком, выцветшими чернилами. Так это не книга, это дневник. Но я хмурюсь – текст выглядит странно. Я не узнаю ни языка, ни даже букв. Это не английский алфавит.

Мама щурится над своим телефоном («Блэкберри») при свете единственной лампочки. Ей уже нужны очки, но она в этом не признается.

Открываю вторую книгу. На меня глядят те же незнакомые буквы. Открываю третью. Сверху какие-то цифры – вероятно, даты – и подпись внизу страницы, нечто похожее на букву «А».

«А» – это Анна.

– Кажется, это дневники тети Анны.

Мама хмыкает.

– Только что это за язык? – я поднимаю дневник, что вынуждает маму оторваться от телефона и взглянуть.

– Хм… – хмурится она. – Не знаю. Вообще, похоже на греческий.

Пару лет назад мама с папой слетали на Миконос отпраздновать годовщину свадьбы. Домой привезли амулеты-глаза и пахлаву, но о самой поездке ничего не рассказывали.

– У тети Анны не было акцента… так ведь? – спрашиваю я, силясь вспомнить ее речь.

– Насколько я помню, нет.

В памяти всплывает один момент, уже полузабытый, хотя когда-то он показался мне очень важным.

– Да уж, странно! – щебечет мама и убирает телефон в карман шорт. – Ладно, идем. Первая остановка – «Гудвилл»[4 - Goodwill – американский магазин, где продаются бывшие в использовании товары (одежда, книги, посуда, вещи для дома). Часто вместо того, чтобы выбрасывать старые вещи, американцы жертвуют их в «Гудвилл».]. Вторая – ресторан.

– А можно я это себе оставлю? – спрашиваю я.

– Старые книжки? – удивленно спрашивает она. – Конечно. Но зачем они тебе?

– Дневники, – поправляю я ее. – Не знаю. Мне кажется, они классные. – я поглаживаю мягкую обложку дневника.

Мама вздыхает:

– Ладно. Знаешь, из этого сундука может выйти милый кофейный столик. Такое старье, но стильное.

Она наклоняет голову, представляя, как сундук устанавливают в одном из домов, которые она продает. Я убираю дневник обратно в сундук и закрываю крышку.

3

Кэти не нравится модная комиссионка на Центральной улице. Она называет ее «пристанищем хипстеров». Ей больше по душе грязноватый, битком набитый винтажный магазин дальше по улице, где всегда пахнет освежителем воздуха и накопившейся за десятилетия пылью.

После обещанного, но ускоренного обеда в «Люкас» мама отвезла меня и загадочный сундук домой. От Райана по-прежнему ни слова, зато пришло сообщение от Кэти: предлагает сходить поесть замороженного йогурта, чтобы последить за ее последней влюбленностью – студентом колледжа с тоннелями в ушах и пирсингом в носу, который работает там на кассе. Потом мы оказываемся в узком магазинчике со стенами, увешанными старыми коврами.

Мне хочется затеряться в этом дворце, полном причудливых вещиц ручной работы, ржавых маслобоек, зеленых настольных ламп, китайских ваз – подделок, вещей с изображениями Конана-варвара и «лиги справедливости». Каждый дюйм пространства здесь пропитан духом былого времени, былых жизней. Стены обвешаны ветхими картами. На пирамиде из чемоданов восседает огромный жестяной рог фонографа.

Поднимаю со старого швейного столика Singer грубую, тяжелую чугунную сковородку. Это истории в физической форме. Я никогда не узнаю, как себя чувствовала женщина, накрывая своему сыну, отправлявшемуся на битву при Геттисберге, последний обед из подсоленной свинины и сладких лепешек, но боль в запястье, которую вызвало поднятие сковороды, моментально переносит меня в другое время, другую жизнь.

У книжного отдела я отвлекаюсь на стенд со старыми открытками. Лондон! Париж! Эссекс-Джанкшен! Ниагарский водопад! – кричат они выцветшими буквами.

– Джей! – зовет меня Кэти. – Зацени.

Кэти стоит в противоположном конце магазина и позирует перед зеркалом во весь рост. Изысканно украшенное бусинами длинное платье желтого цвета висит на ее стройной фигуре. Также на Кэти туфли с ремешком по центру и сатиновые перчатки, а пальцы украшены огромным количеством колец: толстое золотое, с фальшивым жемчугом, с квадратными фианитами. Она делает губки бантиком и строит рожицы зеркалу.

– По-моему, есть что-то от Кэтрин Хепберн.

– Разве? – усмехаюсь я. – Скорее от мисс Ханниган[5 - Мисс Ханниган – хозяйка приюта в мюзикле «Энни», отрицательный персонаж, известный жестоким обращением с сиротками.].

– Твоя очередь. – Кэти бросает мне какую-то одежду.

Примерочных тут нет, так что не представляю, как Кэти удалось втиснуться в эту желтую вещицу. Надеваю черно-белое платье в пол поверх майки и смотрюсь в зеркало. Платье снабжено плечиками, рюшами по кромке декольте-сердца и черным тюлевым пояском в форме буквы V. Не понимаю, когда его носили. В тридцатые? Сороковые?

– Держи. – Кэти кидает мне коричневую меховую накидку, и я взвизгиваю, когда замечаю стеклянные мертвые глаза на голове несчастной зверушки, все еще свисающей с накидки.

– Гадость!

– Это гламур, – поправляет меня Кэти. Она уже стоит рядом и надевает на меня темно-зеленую шляпку клош. – Последний штрих. – Она застегивает у меня на талии огромную брошь с пластиковыми и стеклянными зелеными бусинами. – Дорогуша, выглядишь шикарно. Жаль, Тайлера тут нет, он бы нас сфоткал. Но, видимо, общаться с Заком интереснее. – Она закатывает глаза.

Кэти – моя лучшая подруга со второго класса, со времен Того Самого Инцидента с Картошкой Фри. Тайлер присоединился к нам в девятом, и наша пара

превратилась в троицу. Он дружит с Заком, одиннадцатиклассником (родители которого уезжают из дома на целые недели), и эти двое вечно проводят время вместе, то мирятся, то ругаются, и мне кажется, что Кэти завидует Тайлеру. Не только тому, что у него есть такой друг, а скорее их драматичным отношениям.

Вообще, драма – любовь всей жизни Кэти. Этим летом она играет Олив Островски в профессиональной постановке «Двадцать пятый ежегодный орфографический конкурс округа Патнэм»[6 - The 25th Annual Putnam County Spelling Bee – американский комедийный мюзикл Уильяма Финна и Рейчел Шейнкин, основанный на пьесе Ребекки Фельдман C-R-E-P-U-S-C-U-L-E («С-У-М-Е-Р-К-И»). Spelling bee – устный орфографический конкурс, проводящийся в младшей и средней школе в США и ряде других стран.] местного театра. Кэти родилась в Китае, а когда ей было шесть месяцев, ее удочерила пара из Америки. Кэтрин Саманта Уэстон – девушка амбициозная, и отсутствие воображения у театральных кастинг-директоров, когда дело касается расовой и половой принадлежности персонажа, ей не преграда. «Этот штат белее снега в его горах», – ворчит она, но роль Олив должна стать ее «прорывом».

Кэти театрально падает на выцветший бархатный диванчик. Непонятно, как я столько лет дружу с человеком, который является моей полной противоположностью. Иногда я думаю, понимает ли Кэти, как сильно я стараюсь, чтобы выдавить из себя хоть каплю той уверенности, что она излучает?

Слово «застенчивая» не очень мне подходит. Просто когда я провожу много времени в большом скоплении людей, начинаю чувствовать себя песочными часами – моя энергия, как песок, стекает вниз до тех пор, пока сверху ничего не останется. Когда мы проходили тесты на определение личности, на мне объяснили слово «интроверт». Но я умею притворяться. Пока никто не видел, я заменила приставку «ин» на «экс».

Кэти разглядывает меня с дивана.

– Ты красотка, – говорит она, подражая Пэрис Хилтон.

– Ну-ну, – говорю я, глядя в зеркало и перекладывая длинные волосы на одно плечо. Шляпки клош надо носить с короткими волосами, с каре.

Кэти резко вскакивает:

– я серьезно, Джесс Морган. Ты красивая и невероятно талантливая девушка. Кому, как не тебе, это знать? И ты обязана купить это платье.

– Ну да, – усмехаюсь я. – Буду в нем в церковь ходить. Мама будет в восторге.

Мама водит нас в церковь каждое воскресенье, хотя, как мне кажется, она делает это, чтобы найти не Бога, а новых клиентов.

Кэти фыркает:

– Тебя что, мама одевает?

Я закатываю глаза:

– Нет, конечно. Просто это больше в твоем стиле, чем в моем, вот и все. – я дергаю плечами, чтобы освободиться от эластичной ткани, и платье падает на пол. – Слушай, хотела тебе сказать: я сегодня нашла кое-что классное.

Кэти поигрывает бровями, снимая кольца и перчатки, пальчик за пальчиком, как стриптиз Мэрилин Монро.

– я слушаю.

Рассказываю ей про утро на чердаке тети Анны, про сундук и дневники, и не успеваю я закончить, как она округляет глаза.

– Погоди! – восклицает она так громко, что парень, разглядывающий мужскую одежду, на нас оборачивается. – Джесс, ты серьезно? – Она хватает меня за плечи.

– Да. Они очень клевые, но я вообще не знаю, что там написано. Ни слова не разберу.

– Что-что? Что ты говоришь, моя дорогая? Надо обязательно выяснить, что там написано. Обязательно! Твоя прабабушка скрывала на чердаке сундук, полный дневников…

– Ну, она не то чтобы скрывала их…

Она прижимает палец к моим губам.

– …в которых могут храниться какие-то жутко интересные тайны, а ты такая: «Ну ладно, бог с ними!» Джесс, может, она была шпионкой? У-у-у! Или, может, известной балериной, а дневники принадлежат ее погибшему женатому возлюбленному, хореографу!

– Ну и ну! – смеюсь я. – Кто тут писатель, я или ты?

– Может, это какие-то горячие мемуары. Или неопубликованная книга! Джесс, это судьба, ты должна была их обнаружить.

Снова возвращается воспоминание, вызванное дневниками, уже в полную силу: последний раз я видела тетю Анну, когда мне было двенадцать, – четыре с половиной года назад. Ей уже было больше ста лет. Она жила в доме престарелых, иногда папа возил нас ее навестить. В тот последний раз Гриффина оставили дома, взяли только меня, что показалось мне жуткой несправедливостью, особенно когда за нами защелкнулись автоматические двери дома престарелых. Сейчас я понимаю, что папа, по сути, привел меня с ней попрощаться.

Тетя Анна полулежала в кровати, прислонившись спиной к горе подушек. В бледно-розовом халате она была такой маленькой, как ребенок, только с белоснежными волосами – легкими, как перышки. Они плоско лежали на ее голове, тогда как прически других обитательниц дома напоминали шлемы из сладкой ваты. лицо прабабушки было испещрено морщинами, рот будто готов был провалиться внутрь в любой момент. От нее пахло мазью «ВапоРаб»[7 - Мазь с ментолом предназначена для нанесения на грудь, спину и горло, чтобы подавить кашель.] и мочой – стоял резкий, сладкий, медицинский запах. Я немного боялась ее в тот день, но что-то в ней меня заинтересовало.

– Тетя Анна! Как самочувствие? – прокричал папа. – Помнишь Джесс?

Он положил руку на мое плечо и легонько подвинул меня вперед.

– Здравствуйте. – я застенчиво помахала рукой, сомневаясь, что моя двоюродная прабабушка вообще кого-то помнит.

– Она в седьмом классе, представляешь? Недавно награду получила в школе. – Папа широченно мне улыбнулся, и в этой улыбке читалось: «Ну давай, помоги мне как-нибудь».

Я победила в школьном писательском конкурсе. Учителя предложили напечатать мой рассказ в школьной газете, и я жутко испугалась – это было то же, что дать миру заглянуть ко мне в душу. Раньше я делилась своими историями только с Кэти. Сочинение историй всегда было для меня чем-то личным, что делалось только за закрытыми дверьми. Как-то я набралась храбрости и послала один из рассказов в журнал. История была глупой и детской, но я все равно на что-то надеялась. Использовала псевдоним со своими инициалами: Джасмин Мартин. Джесс Морган. Рассказ отклонили.

В тот день в доме престарелых тетя Анна просто смотрела в пространство. Папа настойчиво повторил:

– Награду, в писательском конкурсе.

Внезапно тетя Анна сфокусировала взгляд – луч солнца пробился сквозь тучи. Она повернулась с дрожащим подбородком и улыбнулась.

– Ты писатель. – Ее голос был слабым, но это было утверждение, не вопрос, и мое сердце запрыгало, как камешек, пущенный по воде. Писать – это одно, называть себя писателем – совсем другое. – я тоже писатель.

– Словесность – конек Джесс.

– Вообще-то история, – поправляю я папу. Что подтверждалось в моем табеле, который мама каждый раз вешала на холодильник.

Неожиданное кудахтанье с кровати меня напугало.

– История, – с легким презрением прохрипела прабабушка, – это рассказ.

Мы ждали, что она скажет что-то еще, но она сжала рот, внезапно посерьезнев, затем взглянула молочно-голубыми глазами сначала на папу, потом снова на меня.

– История, – снова прохрипела она, – это рассказ, который мы рассказываем себе.

С этими словами она поперхнулась слюной, закашлялась и стала хватать ртом воздух. Ее грудь тяжело поднималась.

– Может, позвать медсестру? – спросила я, испугавшись, что она сейчас перед нами умрет, но кашель прекратился так же быстро, как начался.

Дыхание тети Анны восстановилось, она взглянула на нас круглыми глазами, будто удивленная, что это мы делаем в ее комнате. Ее губы искривились, костлявая рука показалась из-под одеял и потянулась ко мне, ведьмина рука. ладонь тряслась. Тетя Анна хотела, чтобы я подошла ближе. Хоть мне и было страшно, я потихоньку двинулась к кровати. Наконец я взяла ее за руку – мягкую и легкую, как бумага. Она не сводила с меня глаз.

– Любишь рассказывать истории? – прошептала она с нетерпением, заговорщически.

– В каком смысле? – спросила я.

Папа только что сказал ей о конкурсе. Может, она не поняла?

Тетя Анна удивленно подняла брови, тоненькие, словно нарисованные карандашом. Когда она засмеялась, будто ветер закружил на тротуаре сухие листья.

– Да, – сказала она, улыбаясь и похлопывая меня по руке. – Да, – повторила она. Потом откинулась на подушки и сложила руки на животе, как покойная. – Ты выдумщица, как я.

Ее взгляд стал печальным, она снова уставилась в никуда. Потрясенная, я зашаркала обратно к папе. Что она имела в виду? Несколько секунд спустя в дверь постучала медсестра, она сообщила, что тетю Анну пора мыть.

В машине папа извинился, сказал, что зря, наверное, меня привез, тетя Анна не в том расположении духа, чтобы общаться с посетителями. Это деменция, объяснил он, мозг не работает как нужно.

Я несколько дней только и думала, что об этом моменте, прокручивала его в голове, как видео на повторе. Тетя Анна будто увидела что-то во мне, как предсказатели видят будущее. Только через несколько недель я поняла, что у слова «выдумщица» есть и другое значение. «Да что ты говоришь, выдумщик?» Так мама спрашивала Гриффина, когда он проливал на кухне молоко и винил в этом воображаемого друга.

Выдумывать – значит врать. Тетя Анна назвала меня вруньей? Спросить ее мне не довелось. Она умерла через полгода, пока я была на Кейп-Коде с семьей Кэти. Родители рассказали, только когда я вернулась. Даже настоящих похорон не было, только скромная служба у могилы в присутствии моих родителей и дяди. Не могу сказать, что это стало неожиданной новостью, но мне было грустно. Для меня это была первая смерть кого-то из близких.

– Это у тебя?

Меня вытаскивают из воспоминаний.

– А?

– Телефон. У тебя? – повторяет Кэти.

Телефон вибрирует в моей сумочке рядом с платьем, которое я оставила валяться на пыльном полу. Поднимаю платье, отряхиваю, достаю из сумки телефон. Наконец-то – сообщение от Райана: «Вечеринка Дага. Придешь?»

Даг Ренфрю – один из лучших друзей Райана в Кине, вместе с Джошем и девушкой Джоша, Лайлой. То, что Райан сохранил с ними связь, несмотря на учебу в интернате, демонстрирует одно из его достоинств – он верный.

– Рай-Рай? – спрашивает Кэти голосом сладким, как мед.

Хоть моя подруга и талантливая актриса, она не может скрыть, что ее это раздражает. Вообще мне кажется, что Кэти так хорошо играет именно потому, что ее личные чувства находятся на самой поверхности. Конечно, у этого есть и опасная сторона – иногда она взрывается, если получает незаслуженно низкую оценку, если ее не берут на роль в спектакле, если я смотрю какой-то фильм без нее. «Девушка с темпераментом», как говорит про нее моя мама.

«Ага», – чиркаю я в ответ Райану и убираю телефон в карман.

– У нас сегодня планы, – говорю я Кэти.

– С основным составом?

Так Кэти называет друзей Райана, намекая на шаблонных подростков из ромкомов девяностых – грубых, пошлых и хлещущих пиво. Обычно она говорит это в шутку, но, когда Райан дома, он проводит с ними много времени, а значит, и я тоже, что Кэти уже не нравится.

В восьмом классе Даг Ренфрю рассказал всем, что полапал Кэти за грудь у помойки за рестораном «Тайский сад». Разумеется, это было вранье, но Кэти находилась в центре внимания в школе два следующих дня, пока Даг не сказал правду. Самое обидное то, что, как мне кажется, до всей этой истории Даг ей нравился; почему – не знаю, но парня у Кэти никогда не было, а Даг уделял ей внимание. Вскоре об этом случае все забыли, кроме Кэти, которая теперь, конечно, терпеть его не могла, как кошка воду. Райан виноват, потому что дружит с ним.

– Родители Дага на время уехали, он сегодня устраивает вечеринку.

– Кто бы сомневался.

Кэти разглядывает свои ногти, накрашенные синим лаком с блестками.

– Ты тоже можешь прийти.

Это не искреннее приглашение. Она не придет, мы обе прекрасно это знаем, но ничего не поделаешь.

– У меня репетиция, – говорит Кэти, морщась и убирая руки за спину, чтобы расстегнуть желтое платье.

Когда прошло несколько месяцев с тех пор, как мы с Райаном стали встречаться, и стало ясно, что это надолго, что-то между нами с Кэти изменилось. Сначала мы несколько раз пытались проводить время втроем, но выходило так неуютно и неловко, что словами не описать. Это была не просто дружеская ревность со стороны Кэти, я будто бы ее предала. Как – не знаю, мы ведь не давали кровной клятвы не заводить парней, но прошло уже два с половиной года, и я не хочу рисковать нашими отношениями, чтобы узнать, чем ей не угодил мой парень. Хотя ситуация раздражает. Мне не нужно, чтобы Райан и Кэти стали лучшими друзьями, но мне жилось бы намного легче, если бы она хотя бы делала вид, что он ей нравится.

В общем, со временем мы пришли к негласному соглашению. Если 31 декабря я провожу с Райаном, то 1 января – с Кэти; если Кэти увозит меня на день рождения в парк развлечений «Мир веселья», то Райан ведет меня в ресторан. До недавнего времени эта схема не давала сбоев. Два предыдущих года Кэти почти на все лето уезжала в театральный лагерь в Беркширы, то есть из трех месяцев, что Райан обычно проводит в Кине, она заставала только один. Но когда она получила роль Олив Островски в начале этого лета, план изменился, и все это время я балансирую между дружбой и отношениями – это так же трудно, как расстегнуть молнию на платье Кэти.

Она фыркает, решив, что попытки бесполезны, и поворачивается, чтобы я помогла ей расстегнуться, но у меня тоже не выходит. Металл глубоко врезается в подушечку большого пальца.

– А знаешь, – говорит Кэти, одной рукой поднимая густые черные волосы, чтобы они не попали в молнию, – может, я все-таки пойду к Дагу.

– Да? – У меня резко пересыхает во рту.

– Он поможет мне отчитать пьесу.

– Ага, – выдавливаю я из себя. – Кажется, у тебя молния заела.

Она чуть поворачивает голову в профиль, и я вижу, что она ухмыляется.

– Да шучу я, Джесс. А вообще у нас проблема, потому что я хочу в туалет.

…«Жук» Кэти останавливается на повороте перед домом Дага, новомодным безвкусным особняком неподалеку от загородного клуба. Желтое платье валяется на заднем сиденье. Кэти уверена, что мама его заштопает там, где мы, хихикая, были вынуждены попросить владельца магазина его разрезать.

Мы вовремя, минута в минуту; за нами тут же появляется и паркуется «блейзер» Райана.

– «Но что за блеск я вижу на балконе?»[8 - «Ромео и Джульетта», пер. Б. л. Пастернака.] Твой Ромео, – цитирует Кэти, наблюдая, как Райан выпрыгивает из грузовичка. В прошлом году она играла главную роль в нашей школьной постановке «Ромео и Джульетты».

Футболка и поношенные шорты-карго отлично демонстрируют его спортивное сложение и точеные голени, над которыми он так старался. На голове – очки «Окли», которые я подарила ему на день рождения. Он не спеша подходит к машине Кэти, хлопая шлепанцами по асфальту, как вдруг резко останавливается, разворачивается и направляется обратно к своему SUV; с заднего сиденья он одним пальцем достает коробку с шестью бутылками пива.

– А, сок для придурков, – говорит Кэти, глядя в боковое зеркало. Ей неуютно, когда на вечеринках пьют.

Мне, если честно, тоже. Мне не нравится вонючее пиво на вкус, его тяжело глотать, и бесит, что язык становится неповоротливым. Тренер говорит Райану, что, если его еще раз поймают с алкоголем, ему грозит отстранение от национальных соревнований. Надеюсь, пиво он принес для Дага.

– Райан, – приветствует его Кэти, когда он подходит и кладет загорелые локти на открытое окно у пассажирского сиденья.

– Кэти! Ты тоже идешь? – удивленно спрашивает он.

– Увы, у меня репетиция. – Кэти не опускает рук с имитации коровьей кожи, обтягивающей руль. – Просто встретилась с этой красоткой, чтобы утопить свои печали в замороженном йогурте и сходить в магазин.

– Точно? Даг сделал бир-бонг[9 - Beer bong – устройство с воронкой, приделанной к трубке, через которую пьют пиво.]. Джесс обещала попробовать.

Он усмехается. Я выхожу из машины и закатываю глаза:

– Это мы еще посмотрим.

Вряд ли Райану приходило в голову, что он не нравится Кэти, что он вообще может кому-то не нравиться. Интересно, каково это – иметь такую уверенность в себе?

– я неподалеку, если тебя надо будет подвезти. – Кэти демонстративно заглядывает мне в лицо.

– Спасибо, мам.

Она закатывает глаза.

– Безопасность прежде всего… Напиши мне потом.

Я соглашаюсь, и Кэти отъезжает, барабаня пальцами по рулю.

Передача прошла успешно…

– Будешь светлое?

Лайла болтает влажной банкой пива у меня перед носом, пока мы ждем остальных гостей в игровой Дага. «Гости» – это школьная футбольная команда, где Даг второй капитан, и несколько хоккеистов, «для разнообразия», как сказал

Даг, но нельзя было понять, шутит он или нет. Пока рано, но орда уже в пути.

Кап. Капля конденсата приземляется мне на ногу.

– Спасибо.

Я беру пиво, готовая прикинуться, что делаю несколько глотков, и с чистой совестью отставить банку.

– Рай? – говорит Лайла Райану, который играет в бильярд с Дагом, и склоняется над столом, касаясь розовыми кончиками волос бархатного покрытия.

Райан готовится к удару.

– Нельзя, тренируюсь, – отвечает он.

– У-у, точно. – Лайла надувает губки. – Ну ладно, мне больше достанется!

Она плюхается на глубокое кожаное кресло, и я замечаю с уколом зависти, как подскакивает ее грудь в черном лифчике под белой майкой. Мама уверяет, что однажды я буду благодарна плоской груди, но первый лифчик, который она мне купила, был с подкладками.

Удар, к которому Райан так усердно готовился, оканчивается промахом. Даг наносит последний удар и, празднуя победу, бросается плашмя на зеленый стол и начинает тереться об него бедрами.

Райан передает кий Джошу и плюхается рядом со мной.

– Ну и ладно, – говорит он Дагу, продолжающему валять дурака. – Наслаждайтесь занозами, а я побуду с моей прекрасной девушкой.

Он театрально падает на меня, и я чувствую, как во мне поднимается маленький шарик счастья. Он назвал меня «прекрасной» – не «горячей», а «пре-красной». Разница есть.

Вообще, я обычно против публичного проявления чувств, но, когда Райан дотрагивается до меня при друзьях, гордиев узел у меня в груди отпускает. Прикосновение Райана будто говорит: вот эта, она, – ей здесь место.

В школе у меня все не так плохо – есть Кэти и Тайлер, а через дружбу с ними весь театральный клуб, плюс несколько девочек из футбольной команды, но я не Лайла Крейг, и надо мной постоянно висит страх, что однажды Райан тоже это поймет.

Мы не учимся вместе уже три года, но, даже находясь в «Маунтенвейле», Райан остается одним из королей старшей школы Кина – из всеми любимого новичка в восьмом классе к одиннадцатому он превратился в загадочного спортсмена, будущего олимпийца. Когда стало известно, что я – девушка Райана Харта, со мной стали здороваться в коридорах, причем и те, с кем я едва ли обмолвилась парой слов. В прошлом году по вторникам и четвергам, когда обед Кэти и Райана стоял в другое время по расписанию, я стала обедать за столиком с «Бетти»[10 - Одноименный сериал 2020 года посвящен группе девушек, которые пытаются завоевать себе место в мужском и весьма враждебном мире скейтбординга.] – группой девочек, которую неофициально возглавляла Лайла; эти девчонки густо красили глаза черной подводкой и проводили свободное время в скейт-парке на Гилбо-авеню. Обед с ними дается мне нелегко. Я мало говорю и иногда переживаю, что Лайла рассказывает об этом Райану, типа: «Зачем мы ее приглашаем, если она только молча сидит в углу?»

Беда в том, что я хочу нравиться Лайле или хотя бы дать ей понять, почему я нравлюсь Райану. Почему он выбрал именно меня, хотя в школе как минимум полдюжины девочек, в том числе некоторые «Бетти», которые были готовы убить даже маленькую пушистую зверушку в обмен на возможность стать девушкой Райана. Может, дело в том, что я сама еще не нашла ответ на этот вопрос.

– Черт! – вскрикивает Даг, перекрывая музыку. – Забыл вам рассказать. Угадайте, кого я вчера увидел в «Волмарте» у стойки с презервативами?

Лайла рядом со мной трясется под песню Fall Out Boy – эмо-музыка, которую слушают ребята и над которой она раньше смеялась, а теперь делает вид, что открыла весь жанр.

– А что ты забыл у стойки с презервативами, Даг? – кокетливо спрашивает она.

У меня возник тот же вопрос. Если Дагу Ренфрю и надо купить презервативы, то только потому, что у тех, которые он носит в кошельке уже три года, истек срок годности.

– Ну представь, Лайла.

Она ухмыляется.

– Что-то не хочется.

Джош загоняет шар в угловую лузу. Интересно, как он относится к тому, что Лайла со всеми заигрывает?

– Мистера Остина, – продолжает Даг.

– Серьезно? – удивляется Лайла.

Даг зажимает кий между ног и принимается водить по нему руками вверх-вниз. Не сомневаюсь, это действие хорошо ему знакомо.

– Фу, Даг! – озвучивает Лайла мои мысли, пока Райан рядом со мной трясется от смеха. – Постой-ка. – Она поворачивается ко мне с уже поплывшими глазами; они выглядят так всегда, когда она напивается и начинает противно себя вести. – Джесс, ты же была у него в этом, ну, в про-двинутом классе, да? – Она щурится.

– Да, – осторожно говорю я. У меня почти все предметы по углубленной программе, но я стараюсь это не афишировать. – Чуть не завалила его предмет.

Это неправда. На самом деле я получила четыре с минусом по углубленной истории Европы и тройку на экзамене – это, конечно, не неуд, но для отличницы, стремящейся попасть в университет лиги плюща, немногим лучше. Мама настояла, чтобы я поговорила с мистером Остином, и он согласился подправить мою оценку – при условии, что я за лето напишу дополнительную работу: пять тысяч слов, как минимум два основных источника, комментарии и библиография. Уже август, у меня шестнадцать страниц заметок о Реформации и ни слова

самой работы. Я думала, бунтарь вроде Мартина Лютера даст мне интересный материал, но он оказался жутко скучным (к тому же антисемитом). История – это рассказ, как сказала моя прабабушка, но писателю надо найти способ подобраться к нему. Я его пока не нашла.

И я ни за что – Бог мне свидетель – не при-знаюсь Дагу, Джошу, Лайле, даже Райану, что все лето по собственной воле работаю над рефератом, чтобы исправить четверку на пятерку.

Райан обнимает меня за плечи.

– Ты знала, что он извращенец?

Я, конечно, не в восторге от дядьки, который испортил мне средний балл, но назвать мистера Остина извращенцем я не могу – он всего лишь оказался в «Волмарте» в то же время, что и Даг Ренфрю. Однако портить веселье мне не хочется.

– Он подозрительно часто упоминал тирана Писистрата.

Тишина. Мои щеки будто лижут языки пламени. Вдруг с улицы доносятся хлопанье дверьми, музыка машинного радио, громкие голоса.

Лайла подскакивает, как и ее грудь, и хлопает в ладоши.

– Люди!

В кои-то веки я рада появлению толпы…

– Короче, ты в туалете, но не так, как будто собираешься, ну, сходить в туалет.

На диване Лайла объясняет кучке завороженных девятиклассниц, что делать фотки для «Май-Спейс» – настоящее искусство. У нее заплетается язык.

В подвале я чувствую себя как в набитом лифте; протискиваюсь к противоположному концу комнаты, где группа хоккеистов подбрасывает монетки, чтобы те отскочили от снятой с туалета крышки бачка (Райан однажды объяснил, что от нее монетка лучше всего отскакивает) в пластиковый стаканчик с пивом. Раздается крик «Пей!», и комната взрывается радостными криками – Энди Де Пальма осушает стаканчик пива комнатной температуры, чтобы достать со дна монетку. Проскальзываю к Райану, но он меня не замечает – его очередь бросать.

У входа в ванную Усик, толстый рыжий полосатый кот, трется у щиколоток неизвестных ему гостей. Не скажу, что я люблю кошек, у меня на них небольшая аллергия, но нужно найти оправдание, чтобы ни с кем не говорить, поэтому я подбираюсь к округлому зверю и опускаюсь на корточки, чтобы его погладить.

Мыслями я где-то в другом месте, не в этом битком набитом подвале. Под громкое мурчание Усика я переношусь к сундуку с дневниками, возвращаюсь к словам Кэти, к загадочной фразе прабабушки: «Ты тоже писатель».

Усик легонько царапает когтями мое бедро, как вдруг над нами нависает тень. Райан.

– Эй! – восклицает он. – Где ты была?

Усик сбегает.

– Здесь.

Райан поднимает руки и потягивается, его футболка задирается, открывая вид на светло-коричневую полосочку волос, спускающуюся в боксеры. Я бросаю взгляд на «тропу к сокровищам», как он мне однажды сказал, когда мы лежали на диване в подвале его родителей. Он видит, куда я смотрю.

– Хочешь содовую? – Он широко улыбается. Речь не о коле – это наш тайный код.

– Давай, – говорю я, радуясь возможности ненадолго с ним уединиться.

Но когда он подводит меня к холодильнику Ренфрю, я удивляюсь. Он достает мне банку колы без кофеина.

– Прости, других нет.

Тут он огибает кухонный стол и подходит ко мне. Я расслабляюсь, потому что он ставит свою банку на столешницу и берет меня за талию. Вот оно: маленький электрический заряд.

– Что делал сегодня? – спрашиваю я с улыбкой.

Он так близко, что я чувствую запах его дезодоранта. Пульс учащается.

– Я уже говорил – силовая тренировка.

– Да, но после нее?

– Да ничего, – бормочет он. – Помогал папе на участке. – Появляется его ямочка на щеке. – А ты что делала?

Он кладет руки мне на бедра.

– Помогала маме убраться на чердаке двоюродной прабабушки. Нашли там сундук…

Я запоздало осознаю, насколько несексуален рассказ о пыльном чердаке.

– Как мило с твоей стороны, – бормочет он.

– Я вообще милая.

– Правда?

Его ноги оказываются между моими, мои бедра прижаты к столешнице. Я больше не думаю о дневниках. Вот что я не могу объяснить Кэти: это пьянящее чувство, когда не только ты кого-то хочешь, но когда хотят тебя. Намного круче

пива комнатной температуры.

Даг входит на кухню, и мы поспешно отодвигаемся друг от друга, приводя себя в порядок.

– Ой, идите уединитесь, что ли. – Он достает средства для уборки из-под раковины. – Только не в спальне родителей. И не в комнате сестры. Гадость.

Ходит слух, что Джош и Лайла как-то «уединились» на двухъярусной кровати сестренки Дага – на обоих ярусах.

Я недовольна, что Даг нас прервал, но у него были на то причины – Энди Де Пальму стошнило в стиральную машинку.

– Сколько времени? – спрашиваю я.

В начале лета мама предложила мне продлить комендантский час до полуночи. «Ты почти выпускница, поживи немного!» – сказала она. К ее недоумению, я отклонила это предложение, сказав, что одиннадцать меня более чем устраивает. В такие вечера меня спасал только комендантский час. Райан думает, что у меня самые строгие родители в Кине.

Он опускает взгляд на часы на запястье.

– Девять пятнадцать… – говорит он. Черт. – Эй, Даги, что они там делают?

– Не знаю. Кажется, играют в блеф, – отвечает Даг.

Это еще одна алкоигра. Даг хватает средство для мытья посуды, и мне почти – почти – хочется сказать, что чистить стиральную машинку им не стоит, но он уже убегает вниз по лестнице.

Райана осеняет:

– Хочешь сыграть?

Честно? Нет. Я хочу тишины и покоя, хочу полистать прабабушкины дневники у себя в комнате. Но зануд не любят.

– Давай! – отвечаю я. Хотя бы блефую я хорошо.

4

– А теперь наш следующий сегмент – «Слово дня»…

Из гостиной по телевизору доносится «Отчет Кольбера»[11 - «Отчет Кольбера» (англ. The Colbert Report) – американская сатирическая новостная телепрограмма на канале Comedy Central; шла с 2005 по 2014 год. Ведущим был известный комик Стивен Кольбер.]. Это папина любимая программа, хотя приходится ее записывать, потому что он всегда засыпает до ее начала. «Правдубеждение»[12 - Truthiness – слово, введенное Стивеном Кольбером в пилотном эпизоде вышеупомянутой программы; означает убеждение, что нечто является истиной лишь на основе интуиции, без принятия во внимание фактов и доказательств.], – говорит комик особым голосом, изобретенным для героя-ведущего.

Спящий папа чуть пофыркивает. Я осторожно вытаскиваю пульт у него из руки. Когда экран гаснет, папа дергается и просыпается, моргая, как маленький ребенок после тихого часа.

– Прости, – говорю я, забавляясь его удивленным взглядом. – Не хотела тебя будить.

– Нет-нет, я не спал, просто глаза прикрыл.

Чувствую внезапный прилив тепла.

– Я дома.

– Хорошо… Мама у себя в кабинете. Иди, скажи ей спокойной ночи.

Не знаю, сколько времени обычно уходит на подготовку сделки о покупке дома, но мама стала как-то часто засиживаться в кабинете. Хотя не нужно лишний раз обращать на это внимание папы.

– Слушай, – говорю я, – можно задать тебе странный вопрос? Реально странный.

Он наклоняется вперед в старом кожаном кресле коричневого цвета. Это его кресло. Механизм поскрипывает, на подножке – следы несмываемого маркера, оставленные нами с Гриффином в детстве, но это единственный предмет мебели, за который папа буквально боролся с мамой на протяжении многих лет.

– Задавай, – говорит он.

– Тетя Анна… Можешь о ней рассказать?

Он, еще сонный, потирает лицо.

– Про твою двоюродную прабабушку? – Секунду думает. – Она была замужем за Генри, братом Грэма. Он был интересной личностью, преподавал в Кинском университете.

– В смысле «интересным»?

– Ну, – усмехается он. – Помню, он носил монокль.

– Как мистер Арахис?[13 - Мистер Арахис (англ. Mr. Peanut) – логотип компании Planters, арахис в монокле и цилиндре с тростью.]

– Наверно, лучше назвать его эксцентричным. Он погиб в автокатастрофе, когда я был маленьким, году в шестьдесят первом вроде. – Папа замолкает, будто перебирая в памяти фотографии-полароиды. – После этого тетя Анна скрылась у себя дома и почти перестала появляться на людях.

– Ты не знаешь, откуда она?

– Откуда родом? – Он на секунду задумывается, хмурясь. – Знаешь, я понятия не имею. Как-то это грустно, да? Она… ну, она мало говорила. После смерти

родителей я чувствовал за нее ответственность, ведь другой семьи у нее не было, но общаться с ней было непросто.

У меня возникает множество новых вопросов, но папа встает и хлопает меня по плечу, уводя из комнаты.

– Слушай, спасибо, что помогла сегодня маме, – говорит он, когда мы поднимаемся по лестнице. – Она, так сказать, много взвалила на свою тарелку.

Я тут же представляю маму у длинного стола в День благодарения – она кладет себе порцию за порцией, даже когда на тарелке не остается места. Когда мы первый и единственный раз приехали в ее родной дом в маленьком фабричном городе в Мэне и зашли на крошечную кухню, она взяла меня за подбородок и сказала: «Джесс, никогда не сомневайся, что ты можешь добиться всего на свете».

– Я знаю, – говорю я папе. – Просто интересно, когда она поймет, что можно не нагружать тарелку.

Он кивает и будто грустно улыбается.

Поднявшись по лестнице, мы желаем друг другу доброй ночи, и я включаю телефон. В подвале Дага вообще не ловит связь, поэтому я только сейчас вижу два пропущенных вызова и шесть сообщений от Кэти. Театральная драма; режиссер заболел, и некий Уильям сказал ей пробежаться по тексту. Кэти не располагает добродетелью терпения, но ей придется подождать до утра, и она сама в этом виновата, потому что я не могу перестать думать о том, что она сказала в магазине.

Сундук прячется под дальним подоконником в моей комнате, куда мы с мамой притащили его днем. Я сажусь перед ним и скрещиваю ноги по-турецки. На этот раз ржавые замки поддаются без проблем. Вытаскиваю один из дневников. Меня переполняет любопытство.

Кожаная коричневая обложка украшена изысканным изображением двуглавого орла, обрез покрыт золотом. Я аккуратно открываю и вдыхаю сладкий – будто миндальный – библиотечный запах, запах старой бумаги и чернил. Буквы расплываются по странице резкими линиями и округлыми завитками. Некоторые

выглядят знакомо – глаза вылавливают то «К», то «М», но что написано – я не понимаю, полная неразбериха.

Чувствую, что каждое слово что-то значит, – как чувствуется эмоция в голосе, даже если не знаешь языка, на котором говорят. Подчеркнутые слова – это пыл или гнев. Чернильные пятна – сомнения или ностальгия. Ползущие вниз строчки – владелец дневника торопился записать слова, пока они не исчезли.

Чувствуя прилив вдохновения, я хватаю с кровати ноутбук и открываю браузер. Вспоминая мамины слова о греческом, ищу алфавит. Некоторые буквы похожи, например «Ф» и, возможно, «?», но все-таки это не греческий. На секунду вспыхивает надежда, когда я вспоминаю необычные буквы в огромной Торе с бат мицвы Хлои Коэн в восьмом классе, но я открываю алфавит иврита и понимаю, что это не оно. Арабский? Точно нет. Хинди? Не-а. По приколу решаю загуглить эльфийский алфавит – ну а вдруг моя любящая почитать тетушка фанатела от Толкиена. Да, есть что-то общее, но снова не то.

Потом меня озаряет, и ответ настолько очевиден, что мне стыдно, как поздно я до него дошла. Пишу запрос: «русский алфавит». Кириллица, как сказано в «Википедии»; заглавные буквы на сайте похожи на то, что лежит передо мной, но они все-таки слишком прямые и квадратные, а в дневнике – текучие и элегантные, как курсив. В самом низу странички я нахожу ссылку на русское рукописное письмо. Нажимаю – и мое сердце останавливается. Мой взгляд прыгает с экрана ноутбука на открытый дневник. Бинго.

Стоп. Русский? Тетя Анна не говорила по-русски, во всяком случае не при мне. Как и мама, я не помню, был ли у нее акцент, но я силюсь вспомнить хоть что-то: дрожащая «р», «зе» вместо the, w там, где должна быть v. Ничего не вспоминаю. Хотя люди ведь избавляются от акцентов, актеры так вообще все время это делают. Два года назад, готовясь к постановке «Оливера Твиста», Кэти три недели без перерыва говорила с британским акцентом. «Метод Станиславского», как она сказала. К третьей неделе я сообщила ей, что это должно называться «методом сведения с ума окружающих».

Раздраженная, я вытаскиваю из сундука все дневники до последнего. Все такие разные: в красной коже, в коричневой, в черной, в синей ткани, карманного размера, огромные, в линеечку, без линеечки, рельефные, с золотыми страницами, неприметные. Некоторые довольно тяжелые. Другие – не тяжелее колоды карт. Я аккуратно складываю дневники обратно в сундук и какое-то

время сверлю их взглядом. Они жаждут быть прочитанными, но как я их прочту, если не знаю русского?

Еще один запрос в интернете выдает мне переводчик с русского, но ему нужна кириллица на клавиатуре. Зато на другом сайте я нахожу виртуальную клавиатуру. Я снова открываю дневник и беру первое слово, которое вылавливают глаза. Ввожу его.

«Корабль»! Это корабль. Но что о корабле?

Переворачиваю страницу и выбираю другое слово. «Полиция». Полиция?

И третье слово: «люблю».

Корабль. Полиция. люблю. Весьма интригующе, но такими темпами на перевод даже одного дневника уйдут месяцы, не говоря уже о целом сундуке. К тому же некоторые буквы в дневнике не похожи на те, что я вижу на экране.

Зубная щетка болтается у меня во рту, когда меня внезапно озаряет.
Я сплевываю, бегу обратно к компьютеру и открываю «Крейгслист»[14 - «Крейгслист» (англ. Craigslist, «каталог Крейга») – американский сайт объявлений, чаще всего используется для продажи/покупки вещей или услуг.]. Кин, конечно, далек от Объединенных Наций в плане разнообразия населения, но это студенческий город. Может, кто-то в колледже знает русский. Особо ни на что не надеясь, я публикую объявление.

Работа ? разное

Объявление: Требуется перевод с русского

Где: Кин, Нью-Гэмпшир

Описание: Нужен человек, свободно владеющий русским, чтобы перевести текст для личного проекта. Надо уметь разбирать русский текст, написанный от руки.

Оплата:

Последнюю строчку я оставляю пустой. После покупки очков «Окли» для Райана у меня осталось около четырехсот долларов – из подарков на день рождения и за работу бебиситтером, – но тратить это все на переводчика, как бы любопытно мне ни было, не очень-то хочется.

Я несколько раз переписываю графу «описание» и в конце концов останавливаюсь на «личном проекте». Загадочно, но честно. Перечитываю еще раз и публикую объявление, затем закрываю ноутбук.

Глаза постепенно привыкают к темноте. Если я повернусь на бок, в поле зрения окажется сундук в лунном свете, проникающем через щель между шторами. «я тоже писатель». Так сказала тетя Анна. Может, Кэти была права: может, эти дневники и правда меня ждали.

5

16 августа, 2007

ПоцелуйМеняКэти[15 - Никнейм Кэти – отсылка к американскому мюзиклу (и его экранизации) «Целуй меня, Кэт», герои которого ставят мюзикл по мотивам «Укрощения строптивой» Шекспира; Кэт – героиня шекспировской пьесы, Катерина.]: «Я в шоке».

Дзынь-дзынь – уведомления о новых сообщениях. Я не смотрю. Стараюсь не смотреть.

Настоящий писатель пишет каждый день – во всяком случае, я когда-то где-то это прочла. Пока у меня учеба, это кажется невозможным. Хемингуэй ведь не ходил на футбол, не учился в трех углубленных классах, не готовился к выпускным экзаменам и не отводил несколько часов в неделю на волонтерскую деятельность, чтобы повысить шансы поступления в колледж.

Хотя, если начистоту, дело тут не во времени. Я обожаю писать. Мне необходимо писать так же, как дышать, спать и есть. Но почему же так тяжело иногда просто взять и… сесть? Смотрю на ноутбук, лежащий на кровати, и все, что я чувствую, – это страх. Я даже не могу формулировать предложения, во всяком случае цельные. Получается просто набор слов, звон, как шум холодильника. Кем ты себя возомнила? Настоящим писателем? Ха! Да всем плевать на твои истории, Джесс. Ты даже не знаешь, чем эта история кончится! Может, просто успокоишься и посмотришь телевизор? Завтра продолжишь. Или послезавтра. Или… Ой, что там было за сообщение?..

Так что этим летом я дала себе слово: буду по часу каждый день писать, не отвлекаясь ни на что. Пока у меня получается, но этот поток сообщений от Кэти…

ПоцелуйМеняКэти: «Сага о Заке».

ПоцелуйМеняКэти: «Божебожебоже»

ПоцелуйМеняКэти: «Я. Просто. В шоке». Я сдаюсь.

ДжеширскийКот: «Да ладно».

ПоцелуйМеняКэти: «Да тут ТАКОЕ!!!»

ПоцелуйМеняКэти: «Ты же знаешь, я обожаю сплетни…»

Хорошо хоть, она это признает.

ПоцелуйМеняКэти: «Ты почту смотрела? Проверь».

ДжеширскийКот: «Кто сейчас пользуется поч той?»

ПоцелуйМеняКэти: «Преподы и Зак, вот кто».

ПоцелуйМеняКэти: «Ну проверь почту».

ДжеширскийКот: «Сейчас…»

Открываю хотмейл, который использую в основном для регистраций. Кэти переслала мне цепочку, которую ей переслал Тайлер от Зака. Снова «дзынь».

ПоцелуйМеняКэти: «Если в двух словах: Зак козел. Тайлер дурак. Конец».

Кэти всегда говорит напрямую. Мне хочется ей ответить, что вряд ли все так просто, – Тайлер с Заком та еще парочка, но, пока я решаю, стоит ли затевать спор, замечаю другое письмо. Тема: «Требуется перевод?» Письмо пришло вчера с адреса с университетским доменом.

С тех пор как я отправила крик о помощи в бездонную яму интернета, прошло почти две недели, и все, что я получила, – три сообщения от трех разных извращенцев, которые решили, что «личный проект» – это совершенно не то, что я имела в виду.

Хотя два скромных открытия я все-таки совершила: когда я спросила, могла ли тетя Анна быть русской, папа сказал, что многие люди того поколения иммигрировали в США между двумя мировыми войнами. «Это бы объяснило ее чувство стиля», – фыркнула мама. Возможно, прабабушка и правда была среди тех иммигрантов.

Второе открытие было более существенным. Я поняла, что цифры вверху страницы – даты, записанные на европейский манер, отличный от нашего; так их подписывал мой французский друг по переписке, с которым мы общались в третьем классе. Сначала день, потом месяц: «1.10.16» – первое октября 1916 года. Стало ясно, что почти все дневники были написаны в 1910-х и 1920-х годах… что все равно ни о чем мне не говорит, если нет человека, способного их прочесть. Я уже начала отчаиваться.

Но зря.

ПоцелуйМеняКэти: «КААААААроче… мы собрались в кино. Заедать горе Тайлера жирным попкорном».

ПоцелуйМеняКэти: «Ты сегодня опять со своим мальчиком?»

ПоцелуйМеняКэти: «Ау-у-у-у-у». Я думаю только о письме. «Требуется перевод?»

ДжеширскийКот: «Прости. Нет, он сегодня идет с бабушкой в ресторан на ее рд».

ДжеширскийКот: «др».

ПоцелуйМеняКэти: «О-о-о-ох Рай! Примерный внук».

ПоцелуйМеняКэти: «Тогда давай с нами! Может, потом проберемся на следующий сеанс».

Слишком много всего и сразу. Я хочу прочесть письмо. И остаться дома. Родители вечером идут в ресторан, Гриффина снова нет – на этот раз он в футбольном лагере, куда его спонтанно отправили родители, после того как наказали всего через два дня после его возвращения из лагеря по лакроссу, поэтому дом в моем распоряжении. Когда Райан сказал, что будет ужинать с бабушкой, я тут же решила провести вечер в пижаме за поеданием печенья и просмотром «Доктора Кто».

Я знаю, что надо провести время с друзьями, но, если честно, мне совсем не хочется этого делать.

ПоцелуйМеняКэти: «Пожалуйста пожалуйста пожалуйста!!!»

ДжеширскийКот: «Твои восклицательные знаки меня убивают».

ПоцелуйМеняКэти: «Этого и добиваюсь».

В моей голове роятся и гремят оправдания, чтобы не идти: простудилась, голова болит, электричество отключили, меня похитили пришельцы, сковал экзистенциальный кризис… Но сколько раз еще я смогу отказаться, прежде чем меня вообще перестанут куда-то приглашать? В голове эхом звучит мамин голос: «…если она только молча сидит в углу?»

Я сдаюсь.

ДжеширскийКот: «Ок. Напиши мне детали».

ПоцелуйМеняКэти: «УРА!!!»

ДжеширскийКот: «Надо отойти. До скорого».

Перед тем как раздается дзинь-дзинь последнего сообщения Кэти, я открываю письмо.

«Уважаемая мадам!

Пишу осведомиться, по-прежнему ли Вы нуждаетесь в переводчике с русского языка. Меня зовут Эван Герман, я второкурсник Кинского университета; моя специальность – русский язык и литература. В переводе чего Вы нуждаетесь?

Искренне Ваш,

Эван Герман».

У меня в груди загорается маленький огонек надежды. Перечитываю письмо еще раз и еще. Оно написано странно официальным языком, но сомнений в достоверности не вызывает. «Ответить». Пальцы застывают над клавиатурой.

«Дорогой Эван…»

Удаляю.

«Здравствуйте, Эван».

Так-то лучше.

«Сложно объяснить. Это старые дневники, написанные от руки, будто курсивом. Вы можете такое прочитать? Спасибо!»

Убираю последнее слово. Слишком обыденно.

«Всего доброго, Джесс».

Отправляю. К своему удивлению, тут же получаю ответ.

«Да, я умею читать написанное от руки. Вы согласны встретиться завтра в „Брюбейкерс” в два часа? Там можем обсудить оплату».

«Брюбейкерс» – кофейня на Центральной улице, недалеко от колледжа. Она нравится мне обшарпанностью и теплой атмосферой – потертый сосновый пол и такой же кожаный диван. Вроде достаточно безопасное место для встречи с незнакомцем из интернета.

Строгость ответа Эвана Германа, особенно обращение на «вы», почему-то меня смешит, а слова об оплате немного беспокоят, но с этим можно разобраться позже.

«Согласна, – беспечно пишу я. – До встречи завтра».

6

17 августа, 2007

Я сразу замечаю Эвана Германа. Он выглядит именно так, как я представляла человека, который спрашивает «согласны ли Вы»: худой парень с копной каштановых волос, торчащих во все стороны, будто он только что оторвал голову от подушки. Эван хоть и сидит, но сразу видно, что он высокий и – другого слова не подберешь – ботан. Сейчас лето, жара, а на нем до боли старомодная бежевая замшевая куртка, под ней – ярко-зеленая кофта. Он выглядит так, как стремятся выглядеть хипстеры, только без намека на моду.

Что меня удивляет, так это насколько Эван Герман симпатичен: полные губы, худощавое лицо и точеные скулы. Густые брови драматично приподняты вверх, что делает его похожим на озорного эльфа.

Эван занял столик на двоих в конце длинного и узкого кафе. Из фарфоровой кружки перед ним поднимаются завитки пара. Сам Эван склонился над книгой.

Я направляюсь к нему, большая сумка через плечо с тремя дневниками внутри похлопывает по бедру.

– Эван?

На меня смотрят серо-голубые глаза, сначала удивленные, потом смущенные.

– Джесс?

Я киваю.

– я думал, ты старше, – говорит он, явно разочарованный.

– А, ну, мне семнадцать? – Зачем вопросительная интонация? Почему неловко мне, хотя грубо себя ведет он? – Так что…

– Что ж… присаживайся.

Он закрывает книгу и отодвигает ее на край стола. «Братья Карамазовы» Достоевского. Внушительный томище.

– легкое чтиво, да? – шучу я.

Эван хмурится.

– Если можно назвать философскую книгу о проблемах веры и неверия легким чтивом, то да.

Ла-а-адно.

– Ну, спасибо, что согласился прийти на встречу.

Чувство юмора – это не то, что мне от него нужно, нужно только умение переводить с русского.

Он опускает взгляд на мою сумку на полу:

– Что-то для меня?

– Там дневники.

Я достаю из сумки три случайно выбранных дневника и кладу их между нами. Первый дневник – простой, в синем переплете, с потрепанными закругленными углами и красным корешком. Второй похож на него, только на обложке написано «Дневник». Третий – самый красивый, коричневый, с золотой каемкой и кожаной застежкой. я, разумеется, ни один из них не читала.

– Можно? – спрашивает Эван.

Я киваю, он берет коричневый дневник и вертит его в руках. У него пальцы пианиста, длинные и изящные, с коротко стриженными ногтями, – я когда-то мечтала, чтобы у меня были такие. Эван открывает дневник на случайной странице. У него за спиной шипит кофемашина.

Я внимательно изучаю лицо Эвана, пытаюсь понять, разобрал ли он что-то, но по его лицу совершенно ничего не ясно.

– Значит… ты можешь это прочесть? – наконец спрашиваю я.

Он не отвечает, продолжая сканировать текст. Может, зря я это затеяла? Эван не давал поводов в нем сомневаться, но брат Тайлера купил машину тоже на «Крейгслисте», а три недели спустя обнаружил, что ее топило, и пришлось менять всю обивку. Надо убедиться, что Эван и правда в силах сделать, что обещает, – перевести дневники.

– Может, прочтешь страничку-две вслух?

По его изогнутой брови мне кажется, что я его оскорбила. Он что-то говорит по-русски, я не понимаю.

– «Доверяй, но проверяй», – переводит он. – Это пословица.

– А-а, – говорю я.

Он прокашливается, склоняется над дневником и начинает читать.

Снова снег, но сильный ветер разогнал с неба тучи, лиса гонится…

Он хмурится, пытаясь либо вспомнить, как переводится следующее слово, либо разобрать почерк.

…за зайцами. Какое чудесное синее небо! Днем гуляли с Марией. Снег блестел на солнце как полотно бриллиантов, – так ярко, что было больно смотреть. Гуси разделяли наш восторг. Они много кричали, особенно тот, злой, что живет у мраморного моста. Он нас насмешил. Завтра катаемся на санках.

Сценка предстает передо мной раскраской, наполняясь цветами. Это красивая картина, и – на мой взгляд – весьма неплохо описанная. Эван перелистывает несколько страниц.

Утром был парад. Солдаты-новобранцы. Такие серьезные в красивой форме! Пили чай с тетей Ольгой. Сегодня вечером наш друг придет молиться. Завтра Пасха. Буду уплетать пасху и кулич, пока не лопну! Днем – поцелуи и яйца.

– Это православные традиции, – объясняет Эван. – яйца красят в красный с помощью луковой шелухи, три раза целуют в щеки.

Он снова перелистывает страницу и читает. Снова перелистывает. Он читает гладко, пропуская некоторые моменты в угоду более интересным, его голос меня завораживает.

– Этого достаточно? – наконец спрашивает он, едва заметно ухмыляясь.

Он доволен своим выступлением, да и я, собственно, тоже. И мне стыдно, что я в нем сомневалась. Мои щеки розовеют.

– Да, спасибо, – говорю я чуть застенчиво.

Эван снова переворачивает страницу, просматривает ее и закрывает дневник. Резко встает.

– Прошу прощения, я отойду, возьму еще мокко.

Я остаюсь одна за столом. Разглядывая загадочные слова, я понимаю: мне нужен Эван Герман. Когда он садится обратно с огромной чашкой кофе в руках, я спрашиваю, как он нашел мое объявление.

– Образовательный кредит, – прозаично отвечает Эван. – Надо же как-то его выплачивать. Ты не поверишь, но специалистов по русской литературе не заваливают предложениями работы. – Он замечает мое каменное лицо и добавляет: – я шучу. – Отпивает кофе. – В общем, я наткнулся на твое объявление и подумал, что это идеальный для меня вариант, – если ты сможешь заплатить, конечно.

– Я могу заплатить, – возмущаюсь я. Меня взбесила снисходительность в его голосе. я, между прочим, взяла с собой пятьдесят долларов из заначки. – Сорок

долларов.

– За дневник?

– За все три.

Эван фыркает. Громко.

– Это же меньше двадцати пяти центов за страницу!

Чувствую, как у меня краснеют шея и щеки.

– Ладно, что ты предлагаешь?

– Пятьдесят долларов за каждый.

Теперь фыркаю я.

– Это намного меньше того, на что я рассчитывал.

– Хорошо, – с вызовом говорю я и перебрасываю волосы на другое плечо, надеясь, что этот жест продемонстрирует безразличие, а не отчаяние, которое я начинаю испытывать. – В университете ведь целое русское отделение, так? Не сомневаюсь, что найду там желающих помочь с переводом.

– За такие деньги – нет.

Я смотрю на него с яростью. Он уже не кажется мне таким симпатичным, хотя я понимаю, что он прав.

– Тридцать пять, – говорю я.

Он прочесывает волосы пальцами, подергивая их за концы, – нервный жест, означающий, что он размышляет.

– Сорок пять.

– Сорок.

– Сорок пять. – Он прищуривается.

Я быстро просчитываю стоимость. Сто тридцать пять долларов – треть всех моих накоплений – за три дневника. Надо же с чего-то начинать.

– Ладно, – нехотя говорю я. – Сорок пять за дневник.

– Договорились. Мне нужен депозит в двадцать пять долларов.

Поднимаю брови:

– Это еще зачем?

– Чтобы не вышло так, что я все перевел, а ты меня надула.

– У тебя такое уже бывало? – спрашиваю я с сильнейшим сарказмом.

– У тебя бывало, что на объявление отвечал человек, утверждающий, что знает русский, хотя это не так?

Я закатываю глаза:

– У меня с собой только двадцатка.

– Пойдет.

Недовольно бормоча, я откапываю в сумке кошелек и бросаю купюру на стол. Эван разглаживает ее, прежде чем убрать в свой кошелек, и встает из-за стола. Он придвигает дневники к себе.

– Постой, – говорю я, инстинктивно накрывая рукой его руку, держащую дневники. Неожиданное прикосновение удивляет нас обоих, я одергиваю руку. У меня в животе что-то переворачивается. – Я дала тебе аванс. А ты как

докажешь, что тебе можно доверять?

Когда до Эвана доходит мое подозрение, что он может их украсть, на его лице появляется противная ухмылка.

– Видимо, никак, – говорит он. – Но откуда тебе знать, что это не просто записки какой-то русской домохозяйки, списки покупок и жалобы на мужа-алкоголика и десяток гадких детей?

Я начинаю терять терпение.

– Это не записки какой-то русской домохозяйки, – огрызаюсь я. – Это дневники моей умершей двоюродной прабабушки Анны.

Не обращая внимания на мой возглас, он берет книги под мышку. Опустевшая сумка непривычно легко повисает у меня на плече.

– Сколько займет перевод? – спрашиваю я.

– Ну, если хочешь побыстрее, придется доплатить…

– Ладно! Меня и такая цена устраивает. Просто как ты думаешь, сколько у тебя на это уйдет?

Он дергает бровью, рассчитывая срок в уме.

– Неделю. Плюс-минус. Я позвоню, как все будет готово.

– Значит, тебе нужен мой номер?

Теперь его очередь смущаться.

– Э… да, – запинается он. – Да, наверно, мне нужен твой номер.

– Хорошо… У тебя с собой телефон?

У него розовеют щеки – либо оттого, что девушка хочет дать ему свой номер, либо оттого, что не подумал, как иначе сможет мне позвонить. Он копается в кармане и извлекает телефон-раскладушку примерно 2000 года. Я с трудом вбиваю туда свой номер и нажимаю кнопку вызова. Мой телефон звонит, я закрываю его телефон и возвращаю ему:

– Теперь у меня тоже есть твой номер.

Огибая столы, мы выбираемся из кофейни.

Эван встает спиной к солнцу, я прикрываю глаза, глядя на него снизу вверх, и указываю на дневники в его руках.

– Будь с ними осторожнее, ладно? Думаю… – я немного мнусь. – Мне кажется, тут есть какая-то история.

Я сама до конца не понимаю, что имею в виду, но Эван улыбается, поддерживая книги чуть на высоте.

– Конечно, тут есть история. Это ведь дневники. «Так как же вы жили, коль нет истории?»

Я прищуриваюсь.

– Поговорка?

Он улыбается.

– Достоевский. Обещаю, что буду с ними осторожен. Честное ботанское.

Щеки мои краснеют. Неужели он сразу понял, что я о нем подумала?

Эван салютует мне двумя пальцами, щелкает пятками и уходит в сторону университета.

7

18 августа, 2007

Музыка из машины Райана льется по всей Вашингтон-стрит. В окна «блейзера» задувает теплый воздух. Сегодня один их тех летних вечеров, в которые кажется, что ты неуязвим, будто август никогда не кончится, будто можно всегда оставаться беспечным. Даже если на деле ты далек от беззаботности и тебя ужасает перспектива стать муравьем, застрявшим в янтаре юности, – в этот момент чувствуешь настоящую жизнь.

Райан убирает руку с моего колена, чтобы переключить скорость, и мы сворачиваем направо, на зеленую тенистую улочку, ведущую к парку Робина Гуда. Премьера «Двадцать пятого ежегодного орфографического конкурса округа Патнэм» проходит в поросшем травой амфитеатре парка. Кэти всю неделю сходила с ума, переживая, что никто, кроме родителей артистов, не приедет на премьеру. Чтобы Райан присоединился, мне пришлось ему объяснить, что это не настоящий конкурс, а пьеса о конкурсе. «А, это все меняет», – усмехнулся он, но прийти согласился. Я втайне надеюсь, что его присутствие поможет растопить лед, который появляется у Кэти при виде Райана.

Мы уже подъезжаем к парку, как вдруг мощный бас из автоколонок перебивают сверчки – мой рингтон.

– Черт, – говорит Райан. – Когда уже Кэти успокоится?

Я копаюсь в сумке, которую убрала в ноги. Кэти звонит уже второй раз.

– Она волнуется, – начинаю объяснять я, но тут замечаю, что на экране имя не Кэти, а Эвана Германа.

Бросаю взгляд на Райана – с той вечеринки у Дага я ничего не говорила ему о дневниках, – но звонок слишком удивляет и интригует меня, чтобы перенаправлять его на автоответчик. Эван сказал, что перевод займет неделю. Прошло полтора дня. Я беру трубку.

– Алло?

Райан листает песни на айподе.

– Это Джесс Морган?

– Э-э… ну да… – Это же он мне позвонил, так?

– Это Эван Герман.

– Ну да, – говорю я снова, бросая взгляд на Райана. – я знаю, у меня ведь есть твой номер.

– Точно, – говорит Эван.

Он что, впервые в жизни кому-то звонит?

– Слушай, это шутка какая-то?

– Что? – недоумеваю я.

– Амит тебя подговорил, да?

– Какого… Я не знаю, кто это.

Шины «блейзера» скрипят по тротуару – Райан резко заворачивает на парковку. Эван в трубке молчит.

– Алло? – повторяю я.

– Я прочел твои дневники, – осторожно говорит он.

– Все? Ты же сказал, это займет неделю.

Он замолкает, будто все еще сомневаясь, не розыгрыш ли это.

– Дело пошло быстрее, чем я думал. Я начал работать, и… ну, не смог остановиться.

Райан выключил машину и теперь смотрит на меня в замешательстве; очевидно, что разговариваю я не с Кэти.

Дыхание Эвана в трубке напоминает шум волн, разбивающихся о берег.

– Слушай, мне кажется, нам лучше встретиться лично, – наконец говорит он. – я все объясню при встрече.

– Почему? Что случилось? – Меня напрягает его взволнованность.

– Просто думаю, что лучше нам взглянуть на это вместе.

– Там что-то плохое? – Чувствую, как внутри все сжимается. Возможно, Анна не просто так спрятала дневники на чердаке.

«Мы идем?» – одними губами спрашивает Райан. Я киваю и затыкаю другое ухо пальцем, чтобы лучше расслышать ответ Эвана.

– Нет, вообще нет. Ну, не совсем, – медленно говорит он.

«Не совсем»? Раз там нет ничего плохого, почему он не может просто мне сказать? Телефон вибрирует, и на этот раз я точно знаю, что это эсэмэс от Кэти.

– Ладно, – говорю я. – Там же, завтра в четыре?

– Да, увидимся там. – Он кладет трубку, не прощаясь, – видимо, это дается ему не лучше приветствий.

– Все нормально? – спрашивает Райан, когда я отнимаю трубку от уха.

Трясу головой, чтобы прийти в себя, но внутри все гудит, будто звонок Эвана включил у меня в голове огромный неоновый вопросительный знак.

– Да, извини. Нужно встретиться кое с кем насчет одного проекта.

Мы направляемся к амфитеатру.

– «Одного проекта»? Типа для школы?

По его тону я понимаю, что сделала правильный выбор, не рассказав о реферате для мистера Остина.

– Нет, – быстро отвечаю я. – Просто… насчет генеалогии. – Чистая правда. – Помогаю маме кое с чем. Не бери в голову.

Он останавливается и недоверчиво на меня смотрит:

– Генеалогический проект?

На секунду мне кажется, что меня раскрыли. Почему бы не рассказать Райану о дневниках? Ответ прост: потому что он никогда не поймет, зачем нанимать переводчика для разбора пыльных дневников двоюродной прабабушки.

Когда я с ужасом представляю, как буду это объяснять, Райан неожиданно заключает меня в объятия, да такие тесные, что локти врезаются в ребра. Болтаю ногами в воздухе, пока Райан не опускает меня на землю.

– Ты слишком хорошая, – говорит он.

Ставит меня на землю, я вздрагиваю.

– В смысле?

– Ну правда. – Он ухмыляется, но восхищенно. – Почетный список? Гарвард? летом не отдыхаешь, а исследуешь историю семьи? Ты просто мечта любого родителя, Джесс.

Разве?

И откуда Райан знает, что я попала в почетный список?

Голос через колонку просит зрителей отключить мобильные телефоны.

– Да брось, – говорю я, соединяя руки у него на пояснице. – Моя мама усыновила бы тебя, если бы это не было стремно.

Его губы слегка касаются моих.

– Это было бы еще как стремно.

– Ну? – с надеждой спрашивает Кэти. – Что скажешь?

На ее щеках остались розовые «яблочки» от сценического грима.

Я ждала на качелях у амфитеатра, пока она переоденется. Олив Островски, может, и не стала ее прорывом, но Кэти сыграла прекрасно. Хотя сама она в этом не сомневается, ей нужно услышать подтверждение и от меня. Есть только одна проблема: пока моя подруга пела и играла, вкладывая в это всю душу, я не могла сосредоточиться на ее выступлении. Все, о чем я могла думать, – это странные недомолвки Эвана по телефону и что же он обнаружил в дневниках тети Анны.

– Ты была великолепна! – я вскакиваю на ноги и вручаю Кэти завернутый в целлофан букет выкрашенных в синий цвет маргариток, который мы с Райаном купили на заправке по дороге в парк.

– О-о-о, спасибо!

– Это Райан выбрал. – Он показал на них и пробормотал: «Вот эти вроде ничего».

– А куда он делся?

– Кажется, туалет пошел искать.

На самом деле он отправился купить пива Дагу и Джошу, но я знаю, что Кэти не одобрит его поддельный паспорт, который он недавно приобрел в школе.

Кэти садится на качели и прячет ладони под коленки, на которых лежит букет.

– Все прошло хорошо, да ведь? Народ смеялся.

– И много.

– Как нас было слышно?

– Отлично.

– Что тебе больше всего понравилось?

Черт. Судорожно перебираю в голове сцены, но весь спектакль я думала о другом.

– Конкурс был такой смешной.

Кэти нетерпеливо прерывает меня:

– Весь мюзикл про этот конкурс. Какая сцена тебе понравилась?

– Э-э-э… конспирология! Когда девочке надо было сказать по буквам «конспирология».

– Да, смешная сцена.

Кажется, мой ответ ее удовлетворил. Кэти отталкивается от земли, мы раскачиваемся, синхронно поднимая ноги в воздух.

– Софи такая талантливая. Это которая играла Марси Парк. У нее, кстати, тусовка в честь премьеры. Ну, может, «тусовка» – это громко сказано, но там будет Калеб.

– Калеб?

Кэти начинает притормаживать.

– Калеб. Он играл Уильяма Морриса Барфэ. Он победил в конкурсе. Я тебе о нем писала!

– А-а-а, точно. – Не знаю, как намекнуть ей, но что-то мне подсказывает, что этому актеру, которого я только что видела на сцене, девушки не интересны. – А как же тот парень из йогуртового кафе?

– Деррик? – Поскольку мы не знаем, как его зовут, мы решили называть его именем одновременно сексуальным и немного смешным. – Деррик – это топинг на замороженном йогурте моей любовной жизни, – пускается Кэти в размышления. – Он… посыпка «брызги». Но такая, знаешь, не самая вкусная. Калеб же – посыпка сердечками… Я робко пытаюсь возразить.

– …хотя она, что бы ты ни говорила, даже не шоколад! Все равно приходи на вечеринку. Можешь и Райана взять. У Софи есть бассейн, будет весело.

Цепи качелей поскрипывают, мы замедляемся.

– Ой! Кэти, я же сегодня не могу.

Она упирается пятками в землю и резко останавливается.

– Почему?

– У Энди Де Пальмы вечеринка. – Вероятно, он пытается поправить свою репутацию после того фиаско, когда его стошнило в стиральную машинку Дага.

– Ты идешь на вечеринку Энди Де Пальмы, который обливается ужасным дезодорантом «Акс»?

– Так надо.

– Почему? – в лоб спрашивает она. – Почему тебе надо?

Почти все зрители покинули амфитеатр. Ребенок подбегает к лесенке на площадке с криком «А-а-а-а-а-а!» и взбирается на верхушку, как Человек-паук на допинге.

– я хочу пойти, – поправляю я себя.

– Правда? Ты правда хочешь на вечеринку Энди Де Пальмы?

– Там будет много народу.

– Хм. – Она поджимает губы. – Ну да. Ты же фанат вечеринок с кучей народа.

– Кэти, мы с Райаном вообще не видимся во время учебы.

– Да, – бубнит она. – Раньше я думала, что это здорово.

Я отправляю качели подальше и вырастаю перед Кэти. Мама мальчика отчаянно пытается уговорить его слезть с лесенки:

– Дэшилл, слезай, мое солнышко. Дэшилл, солнце. Дэшилл. Дэшилл. Дэшилл. Дэшилл.

Даже смешно, только вот мы с Кэти не смеемся.

Я знала, что этого разговора нам не избежать, но не думала, что он произойдет сегодня.

– Кэти, тебя что-то не устраивает? Почему ты так…

Она меня перебивает:

– Почему ты с ним, Джесс?

– Что? – удивленно спрашиваю я.

– Почему ты встречаешься с Райаном?

Бросаю взгляд на парковку. Райан с пивом еще не вернулся.

– Потому что, – фыркаю я.

– Потому что почему?

Вгоняю пятку кроссовки от «Пумы» в землю.

– Потому что он меня смешит, – говорю я. – Потому что с ним здорово проводить время и… ну не знаю… он милый.

Чувствую, что это слабый аргумент, но и сержусь: что, это преступление – дружить с таким парнем, как Райан?

Кэти прикладывает руку к уху, будто прислушиваясь.

– С ним здорово проводить время? – громко повторяет она. – Это все, что тебе нужно?

– А тебе что нужно? Недоступность? – выпаливаю я. Это удар ниже пояса. Быстро исправляюсь: – И потому что с ним я чувствую себя особенной, ясно, Кэти? Потому что он выбрал меня.

Она чуть отстраняется.

– С ним ты ведешь себя как другой человек, Джесс.

У меня закипает кровь. Сжимаю кулаки – так сильно, что на ладонях остаются следы от ногтей.

– Тебе-то откуда знать? – бросаю ехидно. – Ты ведь не видишь.

– Хм. Интересно почему.

Я изо всех сил пытаюсь не плакать, но нос предательски захлюпал. Кэти скрещивает руки на груди и сердится. Зачем она все усложняет? я делаю глубокий вдох. Кэти обижена, что я не иду с ней на вечеринку, что я забыла, кто такой Калеб, и что я – очевидно – проморгала весь мюзикл.

– Слушай, – говорю я, пытаясь загладить вину, – давай завтра куда-нибудь сходим?

Она все еще злится, но мышцы ее лица расслабляются, руки тоже. Она ощипывает одну из неоново-синих маргариток.

– Может, вечером. Вы с Тайлером могли бы прийти…

– Да! – восклицаю я и тут же осекаюсь. – Стой. Черт. Брат Джоша завтра работает. – Он официант в «Чилис» на Девятой улице; подает пиво парням, а Лайле – ярко-розовые коктейли.

Взгляд Кэти мог бы остановить пулю на лету.

– Издеваешься?

– Я обещала Райану…

– Хватит, – отрезает Кэти.

– Может, пораньше, днем? Ой! – радостно восклицаю я, вспоминая о встрече с Эваном. – Угадай, куда я…

Она поднимает ладонь у меня перед лицом.

– Хватит, Джесс. Или кто бы ты ни была. – Она проводит передо мной рукой, будто я какой-то мираж. – Потому что я не помню, чтобы заводила дружбу с человеком, который предпочитает продинамить лучшую подругу ради «свидания мечты» с «Маргаритами» от брата Джоша.

Неприязнь исходит от нее волнами.

– Как я могу тебя продинамить, если мы даже не договаривались о встрече? – возражаю я, но Кэти уже идет к амфитеатру, откуда доносятся обрывки разговора световиков. – Кэти! – умоляю я.

Маргаритки в целлофане валяются у меня под ногами.

Будто по чьей-то команде, мальчик, до этого взбиравшийся по лесенке, пробегает мимо меня и высовывает язык. Вдруг он громко ахает, я оборачиваюсь взглянуть почему. Кэти показывает мне средний палец.

8

19 августа, 2007

– Начнем с первого, что я прочел.

В этот раз никакой пустой болтовни. Мы снова в «Брюбейкерс»; после того как я клянусь, что не знаю, кто такие Амит и Рассел, и что это не розыгрыш, Эван приступает к делу. Он кладет красно-синий дневник на стол между нами. Сам усаживается на край стула и начинает тихо говорить, поэтому мне приходится наклониться, чтобы расслышать. Он пахнет мылом от «Айвори».

– Как мы и подозревали, это дневники. – Эван разворачивает дневник так, чтобы я могла прочитать, и открывает первую страницу. – Этот – 1913 года, – указывает он на цифры вверху страницы. – Они подписаны в основном просто буквой «А». – Его палец опускается в низ страницы и тычет в одну из немногих букв, которые я узнаю.

– Да, – раздраженно отвечаю я. – Это я поняла. Но что в них написано?

Если он и улавливает мое раздражение, виду не подает.

– Ничего особенного – то, что обычно записывают в дневник. Похоже, его вела девочка, и довольно привилегированная.

– Почему ты так думаешь?

– Она пишет о нянечках и преподавателях, службах в частной церкви, ссорах с сестрами, неудобстве нарядных платьев… в общем, о проблемах сладкой жизни. Ну, ты понимаешь.

Я понимаю? Это какой-то намек? Если да – я его игнорирую. Указываю на поблекшие чернила:

– Что тут написано?

Он прищуривается, разглядывая перевернутый текст.

– Как она подшутила над учителем.

Я переворачиваю страницу.

– А здесь?

– Как ее ругали за то, что залезла на дерево. Она, похоже, любила похулиганить. Здесь написано, что сестры и нянечка называли ее «швыбзик». Это что-то вроде «шалуньи». Словечко пришлось поискать.

Я улыбаюсь.

– «Швыбзик», – повторяю я, стараясь скопировать его произношение.

Он морщится:

– Почти.

– Можешь мне почитать?

Эван переворачивает книгу. Он склоняется над страницей, его лицо немного светится, как жемчужина.

10.6.13

Папа на меня злится, и все из-за Ольги! Последние недели все время шел дождь, а сегодня – наконец-то! – выглянуло солнце. После уроков мы с Марией пошли гулять в парк. Нашли чудесный клен, на котором можно отдыхать, как это делала Королева Фей в той пьесе, что мистер Гиббс велел нам прочесть. Только Ольга приказала нам немедленно слезть. Мария, конечно, тут же слезла, а я отказалась. Тут пришел папа, он только закончил осмотр земель. Ольга сказала ему, что я плохо себя веду, и он сделал мне выговор.

– Ты совсем бесстрашная, зайчик мой, – сказал он, снимая меня с дерева.

– Так это же хорошо, разве нет? – спросила я.

Он рассмеялся и ответил, что это известно лишь Богу. Я сказала, что Ольга злится только оттого, что не получила весточки от «сердечного друга» Павла Алексеевича. Она вся покраснела, а папа снова отругал меня – за то, что наябедничала. Нечестно!

Эван читает дневник как актер. Он говорит с интонацией автора, воспроизводит эмоции. И делает он это так искренне, что я с трудом сдерживаю смешок.

22.6.1913

Чудесный день! Устроили пикник на пляже. Взяли несколько шлюпок с яхты и отправились на маленький остров. Там моряки построили для нас павильон с ковром и банкетным столом – были чай с молоком, фрукты, конфеты. Вкуснейшие черничные тарталетки! Насмешила Марию, слизывая варенье с носа со скрещенными глазами.

После чая играли в жмурки. Папа тоже с нами играл, и все валились со смеху – даже слуги, – когда он спотыкался, стараясь идти ровно, едва ли не наступая на платье Т. Как же мне хотелось никогда не возвращаться в Петербург, а вместо этого отправиться на «Штандарте» в кругосветное путешествие, как команда пиратов. Никакого двора, никаких церемоний.

Эван замолкает, поднимая на меня глаза. Церемонии, слуги, двор…

– Так… – говорю я, собирая кусочки пазла в голове.

Но Эван поднимает руку, чтобы я пока молчала, и достает другой дневник.

– Вот этот, – говорит он, – написан позже. В тысяча девятьсот пятнадцатом.

Сегодня Шура меня отругала, но я так скучаю! Она говорит, что в нашей империи сотни тысяч девочек, которые отдали бы руку и ногу, чтобы оказаться на моем месте. Но эти девочки не понимают, как нам одиноко!!! Мы никогда не устраиваем праздников, дорогой дневник, только для бабушки и скучных дядюшек и тетушек. Мама говорит, что так лучше. Говорит, придворные – крысы и сплетники, которые недолюбливают ее из-за немецкой крови, и доверять нельзя никому, кроме отца Григория и, конечно, милой Шуры, но она просто нянечка.

Иногда мне позволяют играть с Глебом, сыном врача, но ведь девочке нужны подруги! С кем же мне делиться секретами?

Поскольку мне не с кем поделиться нашей скромной жизнью в Царском Селе, расскажу все тебе, дорогой дневник.

Мы делим комнату с Марией. Она будит меня по утрам (свинюшка). Сначала мы желаем доброго утра маме в ее «будуаре», как говорит месье Жильяр. У нее самая замечательная комната в доме, там все – мебель, шторы, даже обои – пыльно-лилового цвета. Каждое утро слуги приносят в комнату цветы. Если лечь на оттоманку и прикрыть глаза, чтобы смотреть только через ресницы, кажется, что лежишь в поле сирени. Мама говорит, так англичане украшают дома, – она-то знает.

Тут намного лучше, чем в душном Зимнем дворце или в Екатерининском дворце по соседству. Там все в золоте, драгоценных камнях, полированном мраморе – идеально, чтобы корчить рожицы своему отражению, но так холодно и совершенно неуютно. Хотя там красиво, как внутри одного из тех украшенных яиц, которые папа дарит маме на Пасху.

Я перебиваю Эвана:

– Дворец?

Он поднимает на меня сияющие глаза.

– Дворец, – повторяю я, и он медленно кивает. – Получается, она была… это дневники…

Прежде чем я успеваю сформулировать целое предложение, Эван снова поднимает руку.

– Подожди.

Он открывает последний дневник на странице, которую пометил закладкой.

– Девятое марта тысяча девятьсот семнадцатого года, – читает он.

Папа прибыл с фронта. Мама заплакала, когда он сошел с поезда, мы все побежали его встречать объятиями и поцелуями. Мы ведь боялись, что больше его не увидим. Он говорит, что рад наконец вернуться домой, но, боюсь, Царское Село сильно изменилось. Теперь на каждом углу стоят часовые, по дворцу ходит охрана – как у себя дома! Нам приказали не выходить за ворота парка, но даже по парку за нами ходят. Мы привыкли к охране, но теперь следят за нами. Иногда я бросаю на них взгляды, пока мама не видит, или передразниваю их за спиной. Мария говорит, чтобы я так не делала.

Когда мы все-таки остаемся одни, пытаемся притвориться, что у нас все как раньше, и это даже почти получается. Мама говорит, что мы должны оставаться сильными, не давать людям забыть, кто мы такие, но я знаю, она боится за Алексея с тех пор, как убили нашего Друга, а папа отказался от трона за них обоих.

Но сегодня мама в хорошем настроении, ведь мы все снова вместе. Я тоже счастлива. Может, теперь, как папа вернулся, все станет лучше. Я возьму себя в руки и прекращу хулиганить, как сказала мама.

Храни тебя Бог…

– И тут подпись, – говорит Эван. – «Твоя маленькая Анастасия».

Все в кофейне вертится, кроме его глаз; я лихорадочно перебираю в голове имена и факты, все, что могу вспомнить из учебников и тестов.

– Это дневники твоей двоюродной прабабушки? – спрашивает он.

Внезапно в кофейне становится душно, женщина с ноутбуком за соседним столиком сидит слишком близко.

– Они были у нее на чердаке.

– И ее звали Анна?

– Да.

То, что я пытаюсь осознать, слишком масштабно, слишком невероятно. яйца, о которых она писала, не красили луковой шелухой, их украшали драгоценными камнями, это яйца Фаберже…

Стопка напечатанных листков лежит между нами посреди стола. Это перевод на английский – Эван успел перевести все три дневника. Кладу руку на стопку.

– Это то, о чем я думаю?

В глазах Эвана блуждает искорка, огонь за коркой льда, все его прежние сомнения улетучились, как туман над озером.

«А» – это «Анна».

– Эти дневники… – говорит он в предвкушении, но взвешивая слова, – они будто бы… – Он обдумывает дальнейшие слова, словно решая математическую

задачку. – Они будто написаны великой княжной Анастасией Николаевной Романовой.

«А» – это «Анастасия».

– Анастасия Романова.

Его голос понижается до заговорщического шепота.

– Джесс, если твоя двоюродная прабабушка – дочь последнего императора России, она пережила расстрел, в котором погибла вся ее семья.

9

Кладу на колени трясущиеся руки. Чувствую, что вспотела, и не из-за тесноты кофейни. Вот что тетя Анна пыталась мне сказать. История – это рассказ.

– Думаю, не стоит обсуждать это здесь, – говорит Эван. Женщина за соседним столиком уже дважды стрельнула в нас глазами. – Пройдемся?

На улице мне становится легче, спокойнее. листья вязовой аллеи в центре города шевелит легкий ветерок. Недавно шел дождь, от асфальта еще пахнет влагой – обожаю этот запах. Мимо нас проносится молодая пара с коляской, мы с Эваном поворачиваем налево, к беседке на краю Центральной улицы.

Я все еще пытаюсь осознать, что Эван сказал, но сосредоточиться мне так же тяжело, как найти радиостанцию среди сплошных помех. Прижимаю дневники и переводы к груди.

Эван идет рядом и, пока я молчу, говорит:

– Понимаю, звучит безумно. Почти все считают, что Анастасия Романова погибла в восемнадцатом году.

Мы проходили революцию 1917 года в России, когда изучали европейскую историю, но сейчас я не могу ничего вспомнить – возможно, мистер Остин не зря поставил мне четверку с минусом. Эван терпеливо пересказывает основные моменты: во время Первой мировой войны в России начались массовые беспорядки. Бедность и нехватка еды вкупе с военными потерями вызывали у низших классов сильный гнев на монархию.

– «Гнев» – это мягко сказано, – говорю я.

– Точно, – соглашается Эван.

Радикальные социалисты, убежденные, что ресурсы страны должен контролировать народ, а не царь, стали набирать популярность. Затем, в феврале 1917 года, революция вынудила императора Николая II – отца Анастасии – отказаться от престола. После второй революции в том же году к власти пришли большевики во главе с Лениным. Это имя я помню. Мужчина с блестящей лысиной и острой бородкой, знаменитый коммунист, который всегда казался мне похожим на зловещего эльфа.

– Это Ленин приказал их убить, – говорю я.

Эван мрачно кивает.

– Сначала семью посадили под домашний арест в имении рядом с Санкт-Петербургом, потом держали в Тобольске, затем перевезли на Урал. Их расстреляли в подвале дома в Екатеринбурге летом 1918 года.

– Сколько ей было? – спрашиваю я.

– Семнадцать.

Как мне сейчас. По спине пробегает холодок, будто кто-то провел по моему позвоночнику ледяными ногтями.

Мы уже дошли до дороги, окружающей площадь, где каждый октябрь семьи и студенты собирались на «известный во всем мире» Кинский тыквенный фестиваль. Но сегодня тут пусто, не считая нескольких машин. Эван выжидает,

пока дорога опустеет, и перебегает на противоположный конец. Я следую за ним, по пути машу с извинением водителю за рулем «БМВ», он давит на гудок и указывает на пешеходный переход, который мы проигнорировали.

Краска на беседке облупилась, но ступеньки достаточно широкие, чтобы на них уместились два человека, поэтому мы с Эваном усаживаемся, и я осторожно кладу между нами дневники. Еще несколько дневников лежит у меня в сумке.

– А кто такой этот «наш Друг»? – спрашиваю я.

– Думаю, Распутин.

– Злой колдун с летучей мышью?

Когда я училась в младшей школе, мы однажды пошли в кино на мультик «Анастасия». Главным злодеем там был бледный остроносый колдун по имени Распутин. Неужели эта сказка может быть основана на жизни моей прабабушки?

Эван улыбается.

– Он самый. Разве что без такого количества музыкальных номеров. Вообще-то Распутин был православным монахом – то ли святым, то ли шарлатаном, бытуют разные мнения. Во всяком случае, он был огромным авторитетом в глазах Александры, жены царя. Она была глубоко религиозной женщиной. Алексей, их единственный сын, страдал гемофилией, это заболевание крови, при котором часто бывают внутренние кровоизлияния. Поэтому он был слабым ребенком. И при этом единственным наследником престола – сама видишь, какая появляется проблема.

– Нет наследника – нет будущего.

Эван кивает.

– Семья скрывала от народа болезнь сына, и царица была уверена, что Распутин может его вылечить. Они сблизились, он стал ее доверенным лицом, что не понравилось русской знати. Они обвиняли Распутина в пьянстве, взяточничестве и… ну… участии в оргиях.

– Монах, который участвовал в оргиях?

– Да, нарочно не придумаешь. В общем, отношения с Распутиным – одна из причин, по которым Романовых лишили престола.

– Она сказала, что его убили.

– Он умер до революции. Несколько дворян отравили, избили, подстрелили и утопили его.

– Нда, перестарались.

У меня получилось рассмешить Эвана – маленькая победа.

– Говорят, что он никак не умирал. Это лишь придало мистицизма его образу. – Он провел пальцами по воздуху, как маг.

– Откуда ты все это знаешь?

– Прочитал когда-то и запомнил. Друзья зовут меня Губка Боб Ботанские Штаны.

Напротив беседки стоит памятник павшим солдатам Северной армии и две пушки времен Гражданской войны. В воздухе витает запах картошки фри из ресторана поблизости. Пересечение прошлого и будущего. Сюрреалистично.

– Это еще не все, – говорит Эван, и мое внимание всецело обращается к нему. Он запускает пальцы в волосы. – Некоторые считают, что кто-то из Романовых выжил. После расстрела на протяжении многих лет появлялись люди, утверждающие, что они – Алексей или кто-то из дочек. Все оказались самозванцами: их разоблачили либо родственники Романовых… либо ДНК-экспертиза. А твоя прабабушка, – добавляет он, – когда она умерла?

Я отвечаю, что в 2003 году и, к сожалению, была кремирована.

– А следов ДНК в ее доме не осталось? На расческе, зубной щетке?

– После маминой армии горничных – точно нет.

Какое-то время мы молчим, наблюдая за проезжающими мимо машинами.

– Так, давай еще раз, – наконец говорю я. – Ты думаешь, что моя двоюродная прабабушка, возможно, была Анастасией Романовой, что она пережила расстрел, в котором погибла вся ее семья, что она все эти годы втайне жила – внимание – в Нью-Гэмпшире и что я нашла ее дневники, которые все это подтверждают.

– «Из ста подозрений никогда не составится доказательства», – вздыхает он. – «Преступление и наказание»… Но да, судя по дневникам, все это так. Хотя, конечно, надо прочесть больше. – И быстро добавляет: – я должен прочесть все, что есть.

Сумка лежит рядом со мной. Дневники не могут весить больше двух кило, но когда я ставлю сумку на колени – внезапно ощущаю вес истории, спрятанной в них, и тут же думаю: я вижу Эвана Германа второй раз в жизни. Он обвинил меня в каком-то обмане, но что, если это он обманывает меня, если он – какой-то изощренный тролль, которому нравится таким образом издеваться над людьми? Но если он говорит правду, эти дневники бесценны.

Инстинктивно мне хочется довериться Эвану Герману, но все равно надо вести себя осторожно. Если собираемся работать вместе, работать надо вместе.

– Можешь читать их у меня дома.

Он начинает подниматься.

– Завтра, – добавляю я.

Эван застывает в неловкой позе на полукорточках.

Когда я уходила днем, папа проводил генеральную уборку в гараже, а брат, только вернувшийся из футбольного лагеря, валялся на диване в гостиной. Что мне точно не нужно в разгадывании тайны, которая может перевернуть нашу жизнь, так это отец с братом и миллионом вопросов. Пока я хочу, чтобы дневники были моим секретом – и, выходит, секретом Эвана. я предлагаю

встретиться в десять. В понедельник родители будут на работе, а Гриффин, надеюсь, в гостях у Аманды, девчонки, которую он отказывается называть своей девушкой.

Эван все еще сидит на корточках.

– У меня гобой в девять тридцать. Одиннадцать подходит?

– Гобой?

Эван закатывает глаза и выпрямляется.

– Это очень дорогой инструмент. Так одиннадцать?

– Давай.

Он протягивает мне ладонь, мы пожимаем руки.

– Отлично, – говорит он, радостно потрясая кулаком. – Тогда до встречи.

Наблюдая, как он на велосипеде огибает застрявшие в пробке автомобили, я вдруг понимаю, что деньги, за которые Эван так боролся, лежат у меня в кармане. Он даже не напомнил о них.

…Как всегда, первое, что мне хочется сделать, – это позвонить Кэти, но я вспоминаю ее вчерашний допрос, и пузырь злости начинает раздуваться у меня в груди настолько, что давит на ребра. Ее слова заставили меня почувствовать себя старым прудиком, в котором баламутят воду, и это злит меня еще больше. Я понимаю, что ждать извинений в ближайшее время смысла нет, – по опыту знаю, что еще пару дней Кэти со мной говорить не будет. Может, нужно просто выждать, чтобы осели ил и песок.

Мама объявила, что сегодня состоится наш Обязательный Семейный Ужин – вечер, за который она пытается наверстать с нами упущенное из-за работы время; мама готовит ужин из четырех блюд и жизнерадостно забрасывает нас с братом вопросами о планах на будущее, а папу – ерундой вроде «Надо прочистить водосточный желоб» или «Сколько ртути в рыбе-мече?». Меня бесят

эти ужины.

Понимаю, почему Эван так стремится прочесть остальные дневники, – теперь, когда я тоже знаю, что в них содержится, у меня самой руки чешутся, и, хоть я не в состоянии прочесть их сама, кое-что я все-таки могу.

Чтобы прийти на ужин попозже, я отправляюсь вниз по Винтер-стрит. Кинская общественная библиотека – мое любимое здание в городе, дом с шиферной крышей и башенками, как у старого парижского особняка. Я не была там уже много лет – с тех пор как записалась в школьную библиотеку. Как только я начала подниматься по ступеням, хлынули воспоминания из детства: ожидание чтений с замиранием сердца; гордость после первого самостоятельного похода к ящику возврата книг; уют от всех томов, аккуратно выстроенных в линеечку. Прохожу через стеклянные двери, и меня встречает запах книг, за ним следует запах дерева, а затем – толстое одеяло тишины.

Мистер Остин говорит, что интернет – ненадежный источник, но надо с чего-то начинать, поэтому я направляюсь к компьютеру перед шкафом.

После первого же запроса в гугле я узнаю, что великая княжна российская Анастасия Николаевна родилась 18 июня 1901 года и была четвертой дочерью императора Николая II и его жены императрицы Александры Федоровны, немецкой принцессы и внучки британской королевы Виктории.

Нахожу сотни книг, статей и видео, а также как минимум дюжину аккаунтов блогеров, не просто пишущих о Романовых, а одержимых ими, с подробными описаниями их домов и дворцов. Здесь есть исследования каждого по отдельности и всей семьи в целом, списки, кто что любил и не любил, множество фотографий.

Нахожу статью «Нью-Йорк Таймс» 1904 года, где Николая называют «добродушным и конституционно настроенным человеком», который, «хоть его и называют деспотом», страдает от «невероятной, едва ли не болезненной застенчивости». А Александра, напротив, консервативная и отсталая, ей не нравится двор, но она любит своих подданных и обожает своих детей. В библиотечном каталоге есть несколько биографий царя и царицы и даже их любовная переписка.

Нахожу сайт, посвященный конкретно дочкам царской семьи (ОТМА – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия), и описание Анастасии едва ли не ударяет меня по голове: «Младшая дочь Романовых, умная, но не самая прилежная ученица, была главной шутницей в семье. Упертая Анастасия всегда добивалась своего, она обожала и в основном слушалась своих старших сестер и родителей, но частенько разыгрывала своих учителей и нянечек». Это практически та девочка, что предстала передо мной в дневниках.

Анастасия вела интригующую жизнь. Записываю названия нескольких книг. Но больше всего меня интересует то, что сказал Эван, – разногласия по поводу ее гибели.

Забиваю в гугле мучающий меня вопрос: «Выжила ли Анастасия?» – и оказываюсь в электронном лесу сайтов и блогов. «Неразгаданные тайны: выжила ли Анастасия?»… «Миф о “потерянной” княжне»… «Забытая, но не погибшая»… «ложь о Романовых». В тишине библиотеки кровь громко стучит у меня в висках. Под последним заголовком – фотография юной Анастасии: блестящие каштановые волосы, зачесанные наверх, жемчуга, строгое белое платье, расслабленная рука на спинке дивана. И озорная улыбка на губах. Но цепляют меня глаза молодой княжны. Фотография черно-белая, зернистая, как и все старые фото, но взгляд Анастасии кристально ясный, излучающий одновременно мудрость и невинность.

Вспоминаю тот день в доме престарелых, лицо тети Анны и включаю перемотку, чтобы повернуть время вспять, убрать морщины и пигментные пятна, взбить волосы, сделать ресницы длиннее и гуще. Пытаюсь представить ее этой девушкой на императорском портрете. Даты совпадают. Прабабушка умерла в сто два года, значит, родилась она в 1901 году, как и Анастасия.

Немного подумав, вбиваю новый запрос, куда более мрачный: «Труп Анастасии Романовой». Если меня чему и научили бесконечные сериалы о полицейских, которые нас заставляет смотреть Тайлер, так это правилу: нет тела – нет и дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

День труда – национальный праздник США, отмечается в первый понедельник сентября. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Sierra Club – американская экологическая некоммерческая организация.

3

Марди Гра (фр. Mardi gras, «жирный вторник») – вторник на неделе перед началом Великого поста, католический аналог Масленицы. Сопровождается карнавальными шествиями, танцами, играми, весьма популярный праздник в США. Бусы – один из сувениров, которые можно получить во время карнавального шествия.

4

Goodwill – американский магазин, где продаются бывшие в использовании товары (одежда, книги, посуда, вещи для дома). Часто вместо того, чтобы выбрасывать старые вещи, американцы жертвуют их в «Гудвилл».

5

Мисс Ханниган – хозяйка приюта в мюзикле «Энни», отрицательный персонаж, известный жестоким обращением с сиротками.

6

The 25th Annual Putnam County Spelling Bee – американский комедийный мюзикл Уильяма Финна и Рейчел Шейнкин, основанный на пьесе Ребекки Фельдман C-R-E-P-U-S-C-U-L-E («С-У-М-Е-Р-К-И»). Spelling bee – устный орфографический конкурс, проводящийся в младшей и средней школе в США и ряде других стран.

7

Мазь с ментолом предназначена для нанесения на грудь, спину и горло, чтобы подавить кашель.

8

«Ромео и Джульетта», пер. Б. л. Пастернака.

9

Beer bong – устройство с воронкой, приделанной к трубке, через которую пьют пиво.

10

Одноименный сериал 2020 года посвящен группе девушек, которые пытаются завоевать себе место в мужском и весьма враждебном мире скейтбординга.

11

«Отчет Кольбера» (англ. The Colbert Report) – американская сатирическая новостная телепрограмма на канале Comedy Central; шла с 2005 по 2014 год. Ведущим был известный комик Стивен Кольбер.

12

Truthiness – слово, введенное Стивеном Кольбером в пилотном эпизоде вышеупомянутой программы; означает убеждение, что нечто является истиной лишь на основе интуиции, без принятия во внимание фактов и доказательств.

13

Мистер Арахис (англ. Mr. Peanut) – логотип компании Planters, арахис в монокле и цилиндре с тростью.

14

«Крейгслист» (англ. Craigslist, «каталог Крейга») – американский сайт объявлений, чаще всего используется для продажи/покупки вещей или услуг.

15

Никнейм Кэти – отсылка к американскому мюзиклу (и его экранизации) «Целуй меня, Кэт», герои которого ставят мюзикл по мотивам «Укрощения строптивой» Шекспира; Кэт – героиня шекспировской пьесы, Катерина.

Купить: https://tellnovel.com/uil-yams_ketrin/rasskazchica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити